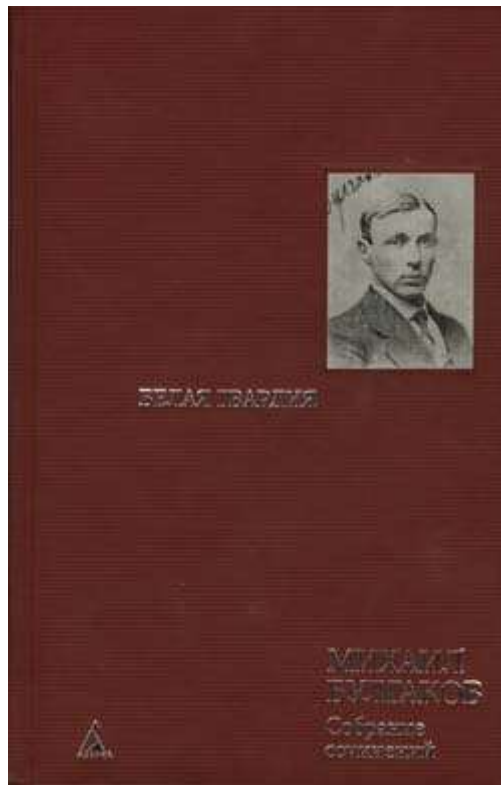

Михаил Афанасьевич Булгаков Дни Турбиных

*«Т. 2: Белая гвардия: Гражданская война в России»: Азбука-классика; СПб; 2002
ISBN 5-352-00139-3; 5-352-00141-5 (т. 2)*

Аннотация

Пьеса "Дни Турбиных", созданная на основе романа "Белая гвардия", посвящена едва ли не самым трагическим страницам отечественной истории - Гражданской войне. Это была единственная пьеса в советском театре, где белые показаны не карикатурно, а с очевидным сочувствием. Причем полковник Алексей Турбин был явно наделен автобиографическими чертами самого Булгакова.

Михаил Афанасьевич Булгаков
Дни Турбиных
Пьеса в четырёх действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Турбин Алексей Васильевич – полковник-артиллерист, 30 лет.
Турбин Николай – его брат, 18 лет.
Тальберг Елена Васильевна – их сестра, 24 лет.
Тальберг Владимир Робертович – генштаба полковник, ее муж, 38 лет.
Мышлаевский Виктор Викторович – штабс-капитан, артиллерист, 38 лет.
Шервинский Леонид Юрьевич – поручик, личный адъютант гетмана.
Студзинский Александр Брониславович – капитан, 29 лет.
Лариосик – житомирский кузен, 21 года.
Гетман всея Украины.
Болботун – командир 1-й конной петлюровской дивизии.
Галаньба – сотник-петлюровец, бывший уланский ротмистр.
Ураган.
Кирпатый.
Фон Шратт – германский генерал.
Фон Дусть – германский майор.
Врач германской армии.
Дезертир – сечевик.
Человек скорзистой.
Камер-лакей.
Максим – гимназический педель, 60 лет.
Гайдамак – телефонист.
Первый офицер.
Второй офицер.
Третий офицер.
Первый юнкер.
Второй юнкер.
Третий юнкер.
Юнкера и гайдамаки.

Первое, второе и третье действия происходят зимой 1918 года, четвертое действие – в начале 1919 года. Место действия – город Киев.

Действие первое

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Турбиных. Вечер. В камине огонь. При открытии занавеса часы бьют девять раз и нежно играют менуэт Боккерини¹. Алексей склонился над бумагами.

Николка (*играет на гитаре и поет*).

*Хуже слухи каждый час.
Петлюра идет на нас!
Пулеметы мы зарядили,
По Петлюре мы палили,*

¹...играют менуэт Боккерини. – Боккерини Луиджи (1743-1805) – итальянский композитор и виолончелист.

Пулеметчики-чики-чики...
Голубчики-чики...
Выручали вы нас, молодцы!

А л е к с е й. Черт тебя знает, что ты поешь! Кухаркины песни. Пой что-нибудь порядочное.

Н и к о л к а. Зачем кухаркины? Это я сам сочинил, Алеша. *(Поет.)*

Хошь ты пой, хошь не пой,
В тебе голос не такой!
Есть такие голоса...
Дыбом станут волоса...

А л е к с е й. Это как раз к твоему голосу и относится.

Н и к о л к а. Алеша, это ты напрасно, ей-Богу! У меня есть голос, правда не такой, как у Шервинского, но все-таки довольно приличный. Драматический, вернее всего – баритон. Леночка, а Леночка! Как, по-твоему, есть у меня голос?

Е л е н а *(из своей комнаты)*. У кого? У тебя? Нету никакого.

Н и к о л к а. Это она расстроилась, потому так и отвечает. А между прочим, Алеша, мне учитель пения говорил: «Вы бы, говорит, Николай Васильевич, в опере, в сущности, могли петь, если бы не революция».

А л е к с е й. Дурак твой учитель пения.

Н и к о л к а. Я так и знал. Полное расстройство нервов в Турбинском доме. Учитель пения – дурак. У меня голоса нет, а вчера еще был, и вообще пессимизм. А я по своей натуре более склонен к оптимизму. *(Трогает струны.)* Хотя ты знаешь, Алеша, я сам начинаю беспокоиться. Девять часов уже, а он сказал, что утром придет. Уж не случилось ли чего-нибудь с ним?

А л е к с е й. Ты потише говори. Понял?

Н и к о л к а. Вот комиссия, Создатель², быть замужней сестры братом.

Е л е н а *(из своей комнаты)*. Который час в столовой?

Н и к о л к а. Э... девять. Наши часы впереди, Леночка.

Е л е н а *(из своей комнаты)*. Не сочиняй, пожалуйста.

Н и к о л к а. Ишь, волнуется. *(Напевает.)* Туманно... Ах, как все туманно!..

А л е к с е й. Не надрывай ты мне душу, пожалуйста. Пой веселую.

Н и к о л к а *(поет)*.

Здравствуйте, дачники!
Здравствуйте, дачницы!
Съемки у нас уж давно начались...
Гей, песнь моя!.. Любимая!..
Буль-буль-буль, бутылочка
Казенного вина!..
Бескозырki тонные,
Сапоги фасонные,
По юнкера-гвардейцы идут...

Электричество внезапно гаснет.

За окнами с песней проходит воинская часть.

А л е к с е й. Черт знает что такое! Каждую минуту тухнет. Леночка, дай, пожалуйста, свечи.

Е л е н а *(из своей комнаты)*. Да!.. Да!..

А л е к с е й. Какая-то часть прошла.

² *Вот комиссия, Создатель...* – Ср. с репликой Фамусова из «Горя от ума»: «Что за комиссия, Создатель...» В первой редакции после этого реплика Алексея: «В особенности когда у этой сестры симпатичный муж».

Е л е н а, выходя со свечой, прислушивается.
Далекий пушечный удар.

Н и к о л к а. Как близко. Впечатление такое, будто бы под Святошином стреляют. Интересно, что там происходит? Алеша, может быть, ты пошлешь меня узнать, в чем дело в штабе? Я бы съездил.

А л е к с е й. Конечно, тебя еще не хватает. Сиди, пожалуйста, смирно.

Н и к о л к а. Слушаю, господин полковник... Я, собственно, потому, знаешь, бездействие... обидно несколько... Там люди дерутся... Хотя бы дивизион наш был скорее готов.

А л е к с е й. Когда мне понадобятся твои советы в подготовке дивизиона, я тебе сам скажу. Понял?

Н и к о л к а. Понял. Виноват, господин полковник.

Электричество вспыхивает.

Е л е н а. Алеша, где же мой муж?

А л е к с е й. Приедет, Леночка.

Е л е н а. Но как же так? Сказал, что приедет утром, а сейчас девять часов, и его нет до сих пор. Уж не случилось ли с ним чего?

А л е к с е й. Леночка, ну, конечно, этого не может быть. Ты же знаешь, что линию на запад охраняют немцы.

Е л е н а. Но почему же его до сих пор нет?

А л е к с е й. Ну, очевидно, стоят на каждой станции.

Н и к о л к а. Революционная езда, Леночка. Час едешь, два стоишь.

Звонок.

Ну вот и он, я же говорил! *(Бежит открывать дверь.)* Кто там?

Г о л о с М ы ш л а е в с к о г о. Открой, ради Бога, скорей!

Н и к о л к а *(впускает Мышлаевского в переднюю)*. Да это ты, Витенька?

М ы ш л а е в с к и й. Ну я, конечно, чтоб меня раздавило! Никол, бери винтовку, пожалуйста. Вот, дьяволова мать!

Е л е н а. Виктор, откуда ты?

М ы ш л а е в с к и й. Из-под Красного Трактира Осторожно вешай, Никол. В кармане бутылка водки. Не разбей. Позволь, Лена, ночевать, не дойду домой, совершенно замерз.

Е л е н а. Ах, Боже мой, конечно! Иди скорей к огню.

Идут к камину.

М ы ш л а е в с к и й. Ох... ох... ох...

А л е к с е й. Что же они, валенки вам не могли дать, что ли?

М ы ш л а е в с к и й. Валенки! Это такие мерзавцы! *(Бросается к огню.)*

Е л е н а. Вот что: там ванна сейчас топится, вы его раздевайте поскорее, а я ему белье приготавливаю. *(Уходит.)*

М ы ш л а е в с к и й. Голубчик, сними, сними, сними...

Н и к о л к а. Сейчас, сейчас. *(Снимает с Мышлаевского сапоги.)*

М ы ш л а е в с к и й. Легче, братик, ох, легче! Водки бы мне выпить, водочки.

А л е к с е й. Сейчас дам.

Н и к о л к а. Алеша, пальцы на ногах поморожены.

М ы ш л а е в с к и й. Пропали пальцы к чертовой матери, пропали, это ясно.

А л е к с е й. Ну что ты! Отойдут. Николка, растирай ему ноги водкой.

М ы ш л а е в с к и й. Так я и позволил ноги водкой тереть. *(Пьет.)* Три рукой. Больно!.. Больно!.. Легче.

Н и к о л к а. Ой-ой-ой! Как замерз капитан!

Е л е н а (*появляется с халатом и туфлями*). Сейчас же в ванну его. На!
М ы ш л а е в с к и й. Дай тебе Бог здоровья, Леночка. Дайте-ка водки еще. (*Пьет.*)

Е л е н а уходит.

Н и к о л к а. Что, согрелся, капитан?
М ы ш л а е в с к и й. Легче стало. (*Закурил.*)

Н и к о л к а. Ты скажи, что там под Трактиром делается?

М ы ш л а е в с к и й. Метель под Трактиром. Вот что там. И я бы эту метель, мороз, немцев-мерзавцев и Петлюру!..

А л е к с е й. Зачем же, не понимаю, вас под Трактир погнали?

М ы ш л а е в с к и й. А мужички там эти под Трактиром. Вот эти самые милые мужички сочинения графа Льва Толстого³!

Н и к о л к а. Да как же так? А в газетах пишут, что мужики на стороне гетмана...

М ы ш л а е в с к и й. Что ты, юнкер, мне газеты тычешь? Я бы всю эту вашу газетную шваль⁴ перевешал на одном суку! Я сегодня утром лично на разведке напоролся на одного деда и спрашиваю: «Где же ваши хлопцы?» Деревня точно вымерла. А он сослепу не разглядел, что у меня погоны под башлыком, и отвечает: «Уси побиглы до Петлюры...»

Н и к о л к а. Ой-ой-ой-ой...

М ы ш л а е в с к и й. Вот именно «ой-ой-ой-ой»... Взял я этого толстовского хрена⁵ за ма-нишку и говорю: «Уси побиглы до Петлюры? Вот я тебя сейчас пристрелю, старую... Ты у меня узнаешь, как до Петлюры бегают. Ты у меня сбегашь в царство небесное⁶».

А л е к с е й. Как же ты в город попал?

М ы ш л а е в с к и й. Сменили сегодня, слава тебе Господи! Пришла пехотная дружина. Скандал я в штабе на посту устроил. Жутко было! Они там сидят, коньяк в вагоне пьют. Я гово-рю, вы, говорю, сидите с гетманом во дворце, а артиллерийских офицеров вышибли в сапогах на мороз с мужичьем перестреливаться! Не знали, как от меня отделаться. Мы, говорят, командиру-ем вас, капитан, по специальности в любую артиллерийскую часть. Поезжайте в город... Алеша, возьми меня к себе.

А л е к с е й. С удовольствием. Я и сам хотел тебя вызвать. Я тебе первую батарею дам.

М ы ш л а е в с к и й. Благодетель...

Н и к о л к а. Ура!.. Все вместе будем. Студзинский – старшим офицером... Прелестно!..

³ ...милые мужички сочинения графа Льва Толстого! – Во второй редакции: «А мужички там еще... Вот эти самые богоносцы окаянные, сочинения господина Достоевского».

В первой редакции:

«А л е к с е й. Зачем, объясни, пожалуйста, Трактир понадобилось охранять? Ведь Петлюры там не может быть?

М ы ш л а е в с к и й. Ты Достоевского читал когда-нибудь?

А л е к с е й. И сейчас, только что. Вон „Бесы“ лежат. И очень люблю.

Н и к о л к а. Выдающийся писатель земли русской.

М ы ш л а е в с к и й. Вот. Вот. Я бы с удовольствием повесил этого выдающегося писателя земли.

А л е к с е й. За что так строго, смею спросить?

М ы ш л а е в с к и й. За это – за самое. За народ-богоносец. За сеятеля, хранителя, землепашца и... впрочем, это Апухтин сказал.

А л е к с е й. Это Некрасов сказал. Побойся Бога.

М ы ш л а е в с к и й (*зевая*). Ну и Некрасова повесить. <...>

А л е к с е й. Кто ж там под Трактиром все-таки?

М ы ш л а е в с к и й. А вот эти самые достоевские мужички, богоносцы окаянные. Все, оказывается, на стороне Петлюры».

⁴ Я бы всю эту вашу газетную шваль... – Даже гетман П. П. Скоропадский признавал, что «на Украине не было ни одной хорошей, то есть действительно серьезной газеты, разбиравшейся в данной обстановке и понимавшей свою задачу в такую трудную историческую минуту» (*Скоропадский П. П. С. 57*).

⁵ Взял я этого толстовского хрена... – Во второй редакции: «Взял я этого богоносного хрена...»

⁶ ...сбегашь в царство небесное. – Во второй редакции далее: «Святой землепашец версты полторы летел как за-яц».

Мышляевский. Вы где стоите?

Николка. Александровскую гимназию заняли. Завтра или послезавтра можно выступать.

Мышляевский. Ты ждешь не дожدهшься, чтобы Петлюра тебя по затылку трахнул?

Николка. Ну, это еще кто кого!

Елена (*появляется с простыней*). Ну, Виктор, отправляйся, отправляйся. Иди мойся. На простыню.

Мышляевский. Лена ясная, позволь, я тебя за твои хлопоты обниму и поцелую. Как ты думаешь, Леночка, мне сейчас водки выпить или уже потом, за ужиному сразу?

Елена. Я думаю, что потом, за ужином, сразу. Виктор! Мужа ты моего не видел? Муж пропал.

Мышляевский. Что ты, Леночка, найдется. Он сейчас приедет. (*Уходит.*)

Начинается непрерывный звонок.

Николка. Ну вот он-он! (*Бежит в переднюю.*)

Алексей. Господи, что это за звонок?

Николка открывает дверь.

Появляется в передней Ларик с чемоданом и с узлом.

Ларик. Вот я и приехал. Со звонком у вас я что-то сделал.

Николка. Это вы кнопку вдавили. (*Выбегает за дверь, на лестницу.*)

Ларик. Ах, Боже мой! Простите, ради Бога! (*Входит в комнату.*) Вот я и приехал. Здравствуйте, глубокоуважаемая Елена Васильевна, я вас сразу узнал по карточкам. Мама просит вам передать ее самый горячий привет.

Звонок прекращается. Входит Николка.

А равно также и Алексею Васильевичу.

Алексей. Мое почтение.

Ларик. Здравствуйте, Николай Васильевич, я так много о вас слышал. (*Всем.*) Вы удивлены, я вижу? Позвольте вам вручить письмо, оно вам все объяснит. Мама сказала мне, чтобы я, даже не раздеваясь, дал вам прочитать письмо.

Елена. Какой неразборчивый почерк!

Ларик. Да, ужасно! Позвольте, лучше я сам прочитаю. У мамы такой почерк, что она иногда напишет, а потом сама не понимает, что она такое написала. У меня тоже такой почерк. Это у нас наследственное. (*Читает.*) «Милая, милая Леночка! Посылаю к вам моего мальчика прямо по-родственному; приютите и согрейте его, как вы умеете это делать. Ведь у вас такая громадная квартира...» Мама очень любит и уважает вас, а равно и Алексея Васильевича. (*Николке.*) И вас тоже. (*Читает.*) «Мальчуган поступает в Киевский университет. С его способностями...» – ах уж эта мама!.. – «...невозможно сидеть в Житомире, терять время. Содержание я буду вам переводить аккуратно. Мне не хотелось бы, чтобы мальчуган, привыкший к семье, жил у чужих людей. Но я очень спешу, сейчас идет санитарный поезд, он сам вам все расскажет...» Гм... вот и все.

Алексей. Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?

Ларик. Как – с кем? Вы меня не знаете?

Алексей. К сожалению, не имею удовольствия.

Ларик. Боже мой! И вы, Елена Васильевна?

Николка. И я тоже не знаю.

Ларик. Боже мой, это прямо колдовство! Ведь мама послала вам телеграмму, которая должна вам все объяснить. Мама послала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

Николка. Шестьдесят три слова!.. Ой-ой-ой!..

Елена. Мы никакой телеграммы не получали.

Ларик. Не получали? Боже мой! Простите меня, пожалуйста. Я думал, что меня

ждут, и прямо, не раздеваясь... Извините... я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник!

А л е к с е й. Да вы, будьте добры, скажите, как ваша фамилия?

Л а р и о с и к. Ларион Ларионович Суржанский.

Е л е н а. Да это Лариосик?! Наш кузен из Житомира?

Л а р и о с и к. Ну да.

Е л е н а. И вы... к нам приехали?

Л а р и о с и к. Да. Но, видите ли, я думал, что вы меня ждете... Простите, пожалуйста, я наследил вам... Я думал, что вы меня ждете, а раз так, то я поеду в какой-нибудь отель...

Е л е н а. Какие теперь отели?! Погодите, вы прежде всего раздевайтесь.

А л е к с е й. Да вас никто не гонит, снимайте пальто, пожалуйста.

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен.

Н и к о л к а. Вот здесь, пожалуйста. Пальто можно повесить в передней.

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен. Как у вас хорошо в квартире!

Е л е н а (*шепотом*). Алеша, что же мы с ним будем делать? Он симпатичный. Давай поместим его в библиотеке, все равно комната пустует.

А л е к с е й. Конечно, поди скажи ему.

Е л е н а. Вот что, Ларион Ларионович, прежде всего в ванну... Там уже есть один – капитан Мышлаевский... А то, знаете ли, после поезда...

Л а р и о с и к. Да-да, ужасно!.. Ужасно!.. Ведь от Житомира до Киева я ехал одиннадцать дней...

Н и к о л к а. Одиннадцать дней!.. Ой-ой-ой!..

Л а р и о с и к. Ужас, ужас!.. Это такой кошмар!

Е л е н а. Ну пожалуйста!

Л а р и о с и к. Душевно вам... Ах, извините, Елена Васильевна, я не могу идти в ванну.

А л е к с е й. Почему вы не можете идти в ванну?

Л а р и о с и к. Извините меня, пожалуйста. Какие-то злодеи украли у меня в санитарном поезде чемодан с бельем. Чемодан с книгами и рукописями оставили, а белье все пропало.

Е л е н а. Ну, это беда поправимая.

Н и к о л к а. Я дам, я дам!

Л а р и о с и к (*интимно, Николке*). Рубашка, впрочем, у меня здесь, кажется, есть одна. Я в нее собрание сочинений Чехова завернул. А вот не будете ли вы добры дать мне кальсоны?

Н и к о л к а. С удовольствием. Они вам будут велики, но мы их заколем английскими булавками.

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен.

Е л е н а. Ларион Ларионович, мы вас поместим в библиотеке. Николка, проводи!

Н и к о л к а. Пожалуйте за мной.

Л а р и о с и к и Н и к о л к а уходят.

А л е к с е й. Вот тип! Я бы его остриг прежде всего. Ну, Леночка, зажги свет, я пойду к себе, у меня еще масса дел, а мне здесь мешают. (*Уходит.*)

Звонок.

Е л е н а. Кто там?

Г о л о с Т а л ь б е р г а. Я, я. Открой, пожалуйста.

Е л е н а. Слава Богу! Где же ты был? Я так волновалась!

Т а л ь б е р г (*входя*). Не целуй меня, я с холоду, ты можешь простудиться.

Е л е н а. Где же ты был?

Т а л ь б е р г. В германском штабе задержали. Важные дела.

Е л е н а. Ну иди, иди скорей, грейся. Сейчас чай будем пить.

Т а л ь б е р г. Не надо чаю, Лена, погоди. Позвольте, чей это френч?

Е л е н а. Мышлаевского. Он только что приехал с позиций, совершенно замороженный.

Т а л ь б е р г. Все-таки можно прибрать.

Е л е н а. Я сейчас. (*Вешает френч за дверь.*) Ты знаешь, еще новость. Сейчас неожиданно

приехал мой кузен из Житомира, знаменитый Лариосик, Алексей оставил его у нас в библиотеке.

Т а л ь б е р г. Я так и знал! Недостаточно одного сеньора Мышлаевского. Появляются еще какие-то житомирские кузены. Не дом, а постоянный двор. Я решительно не понимаю Алексея.

Е л е н а. Володя, ты просто устал и в дурном расположении духа. Почему тебе не нравится Мышлаевский? Он очень хороший человек.

Т а л ь б е р г. Замечательно хороший! Трактирный завсегдатай⁷.

Е л е н а. Володя!

Т а л ь б е р г. Впрочем, сейчас не до Мышлаевского. Лена, закрой дверь... Лена, случилась ужасная вещь.

Е л е н а. Что такое?

Т а л ь б е р г. Немцы оставляют гетмана на произвол судьбы.

Е л е н а. Володя, да что ты говоришь?! Откуда ты узнал?

Т а л ь б е р г. Только что, под строгим секретом, в германском штабе. Никто не знает, даже сам гетман.

Е л е н а. Что же теперь будет?

Т а л ь б е р г. Что теперь будет... Гм... Половина десятого. Так-с... Что теперь будет?... Лена!

Е л е н а. Что ты говоришь?

Т а л ь б е р г. Я говорю – «Лена»!

Е л е н а. Ну что «Лена»?

Т а л ь б е р г. Лена, мне сейчас нужно бежать.

Е л е н а. Бежать? Куда?

Т а л ь б е р г. В Германию, в Берлин. Гм... Дорогая моя, ты представляешь, что будет со мной, если русская армия не отобьет Петлюру и он войдет в Киев?

Е л е н а. Тебя можно будет спрятать.

Т а л ь б е р г. Миленькая моя, как можно меня спрятать! Я не иголка. Нет человека в городе, который не знал бы меня. Спрятать помощника военного министра. Не могу же я, подобно сеньору Мышлаевскому, сидеть без френча в чужой квартире. Меня отличным образом найдут.

Е л е н а. Постой! Я не пойму... Значит, мы оба должны бежать?

Т а л ь б е р г. В том-то и дело, что нет. Сейчас выяснилась ужасная картина. Город обложен со всех сторон, и единственный способ выбраться – в германском штабном поезде. Женщины не берут. Мне одно место дали благодаря моим связям.

Е л е н а. Другими словами, ты хочешь уехать один?

Т а л ь б е р г. Дорогая моя, не «хочу», а иначе не могу! Пойми – катастрофа! Поезд идет через полтора часа. Решай, и как можно скорее.

Е л е н а. Через полтора часа? Как можно скорее? Тогда я решаю – уезжай.

Т а л ь б е р г. Ты умница. Я всегда это говорил. Что я хотел еще сказать? Да, что ты умница! Впрочем, я это уже сказал.

Е л е н а. На сколько же времени мы расстаемся?

Т а л ь б е р г. Я думаю, месяца на два. Я только пережду в Берлине всю эту кутерьму, а когда гетман вернется...

Е л е н а. А если он совсем не вернется?

⁷ *Трактирный завсегдатай*. – Л. С. Карум в своих воспоминаниях «Рассказ без вранья» так отзывался о Мышлаевском: «Во-первых, Сынгаевский (под фамилией Мышлаевский) – это был студент, призванный в армию, красивый и стройный, но больше ничем не отличавшийся. Обыкновенный собутыльник. В Киеве он на военной службе не был, затем познакомился с балериной Нежинской, которая танцевала с Мордкиным, и при перемене... власти в Киеве, уехал на ее счет в Париж, где удачно выступал в качестве ее партнера в танцах и мужа, хотя был на двадцать лет моложе ее». Вообще отзывы Карума об окружении Булгакова крайне субъективны и злы. Впрочем, и во времена киевские Булгаков все это от Карума слышал, что видно из следующей реплики Тальберга (первая редакция): «Я органически не выношу эту трактирную физиономию... Как только появляется господин Мышлаевский, появляется водка, казарменные анекдоты и прочее. Я совершенно не понимаю Алексея... Среди всех этих Шервинских и Мышлаевских Алексей сам сопьется» (ОР РГБ, ф. 562, к. 71).

Между тем сам Булгаков о Мышлаевском сказал так:

«Мышлаевский – выдумка, хотя в основе лежит фигура одного офицера» (ОР РГБ, ф. 218, № 1269, ед. хр. 6, л. 1).

Т а л ь б е р г. Этого не может быть. Даже если немцы оставят Украину, Антанта займет ее и восстановит гетмана. Европе нужна гетманская Украина как кордон от Московских большевиков. Ты видишь, я все рассчитал.

Е л е н а. Да, я вижу, но только вот что: как же так, ведь гетман еще тут, они формируют свои войска, а ты вдруг бежишь на глазах у всех. Ловко ли это будет?

Т а л ь б е р г. Милая, это наивно. Я тебе говорю по секрету – «я бегу», потому что знаю, что ты этого никогда никому не скажешь. Полковники генштаба не бегают. Они ездят в командировку. В кармане у меня командировка в Берлин от гетманского министерства. Что, недурно?

Е л е н а. Очень недурно. А что же будет с ними со всеми?

Т а л ь б е р г. Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми. Я не «все».

Е л е н а. Ты же предупреди братьев.

Т а л ь б е р г. Конечно, конечно. Отчасти я даже рад, что еду один на такой большой срок. Как-никак ты все-таки побережешь наши комнаты.

Е л е н а. Владимир Робертович, здесь мои братья! Неужели же ты думаешь, что они вытеснят нас? Ты не имеешь права...

Т а л ь б е р г. О нет, нет, нет... Конечно, нет... Но ты же знаешь пословицу: «Qui va a la chasse, perd sa place⁸». Теперь еще просьба, последняя. Здесь, гм... без меня, конечно, будет бывать этот... Шервинский...

Е л е н а. Он и при тебе бывает.

Т а л ь б е р г. К сожалению. Видишь ли, моя дорогая, он мне не нравится.

Е л е н а. Чем, позволь узнать?

Т а л ь б е р г. Его ухаживания за тобой становятся слишком назойливыми, и мне было бы желательно... Гм...

Е л е н а. Что желательно было бы тебе?

Т а л ь б е р г. Я не могу сказать тебе что. Ты женщина умная и прекрасно воспитана. Ты прекрасно понимаешь, как нужно держать себя, чтобы не бросить тень на фамилию Тальберг.

Е л е н а. Хорошо... я не брошу тень на фамилию Тальберг.

Т а л ь б е р г. Почему ты отвечаешь мне так сухо? Я ведь не говорю тебе о том, что ты можешь мне изменить. Я прекрасно знаю, что этого быть не может.

Е л е н а. Почему ты полагаешь, Владимир Робертович, что этого не может быть?..

Т а л ь б е р г. Елена, Елена, Елена! Я не узнаю тебя. Вот плоды общения с Мышлаевским! Замужняя дама – изменить!.. Без четверти десять! Я опоздаю!

Е л е н а. Я сейчас тебе уложу...

Т а л ь б е р г. Милая, ничего, ничего, только чемоданчик, в нем немного белья. Только, ради Бога, скорее, даю тебе одну минуту.

Е л е н а. Ты же все-таки простишься с братьями.

Т а л ь б е р г. Само собой разумеется, только смотри, я еду в командировку.

Е л е н а. Алеша! Алеша! *(Убегает.)*

А л е к с е й *(входя)*. Да, да... А, здравствуй, Володя.

Т а л ь б е р г. Здравствуй, Алеша.

А л е к с е й. Что за суета?

Т а л ь б е р г. Видишь ли, я должен сообщить тебе важную новость. Нынче ночью положение гетмана стало весьма серьезным.

А л е к с е й. Как?

Т а л ь б е р г. Seriously и весьма.

А л е к с е й. В чем дело?

Т а л ь б е р г. Очень возможно, что немцы не окажут помощи и придется отбивать Петлюру своими силами.

А л е к с е й. Что ты говоришь?!

Т а л ь б е р г. Очень может быть.

⁸ «Кто уходит на охоту, теряет свое место» *(фр.)*. Переводы иностранных текстов даны по первому изданию пьесы: Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни. М., 1955.

А л е к с е й. Дело желтенькое... Спасибо, что сказал.

Т а л ь б е р г. Теперь второе. Так как я сейчас еду в командировку...

А л е к с е й. Куда, если не секрет?

Т а л ь б е р г. В Берлин.

А л е к с е й. Куда? В Берлин?

Т а л ь б е р г. Да. Как я ни барахтался, выкрутиться не удалось. Такое безобразие!

А л е к с е й. Надолго, смею спросить?

Т а л ь б е р г. На два месяца.

А л е к с е й. Ах вот как.

Т а л ь б е р г. Итак, позволь пожелать тебе всего хорошего. Берегите Елену. *(Протягивает руку.)*

Алексей прячет руку за спину.

Что это значит?

А л е к с е й. Это значит, что командировка ваша мне не нравится.

Т а л ь б е р г. Полковник Турбин!

А л е к с е й. Я вас слушаю, полковник Тальберг.

Т а л ь б е р г. Вы мне ответите за это, господин брат моей жены!

А л е к с е й. А когда прикажете, господин Тальберг?

Т а л ь б е р г. Когда... Без пяти десять... Когда я вернусь.

А л е к с е й. Ну, Бог знает что случится, когда вы вернетесь!

Т а л ь б е р г. Вы... вы... Я давно уже хотел поговорить с вами.

А л е к с е й. Жену не волновать, господин Тальберг!

Е л е н а *(входя)*. О чем вы говорили?

А л е к с е й. Ничего, ничего, Леночка!

Т а л ь б е р г. Ничего, ничего, дорогая! Ну, до свидания, Алеша!

А л е к с е й. До свидания, Володя!

Е л е н а. Николка! Николка!

Н и к о л к а *(входя)*. Вот он я. Ох, приехал?

Е л е н а. Володя уезжает в командировку. Простись с ним.

Т а л ь б е р г. До свидания, Никол.

Н и к о л к а. Счастливого пути, господин полковник.

Т а л ь б е р г. Елена, вот тебе деньги. Из Берлина немедленно вышлю. Честь имею кланяться. *(Стремительно идет в переднюю.)* Не провожай меня, дорогая, ты простудишься. *(Уходит.)*

Елена идет за ним.

А л е к с е й *(неприятным голосом)*. Елена, ты простудишься!

Пауза.

Н и к о л к а. Алеша, как же это он так уехал? Куда?

А л е к с е й. В Берлин.

Н и к о л к а. В Берлин... В такой момент... *(Смотря в окно.)* С извозчиком торгуется. *(Философски.)* Алеша, ты знаешь, я заметил, что он на крысу похож.

А л е к с е й *(машинально)*. Совершенно верно, Никол. А дом наш – на корабль. Ну, иди к гостям. Иди, иди.

Н и к о л к а уходит.

Дивизион в небо, как в копеечку, попадает. «Весьма серьезно». «Серьезно и весьма». Крыса! *(Уходит.)*

Е л е н а *(возвращается из передней. Смотрит в окно)*. Уехал...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Накрыт стол для ужина.

Е л е н а (*у рояля, берет один и тот же аккорд*). Уехал. Как уехал...

Ш е р в и н с к и й (*внезапно появляется на пороге*). Кто уехал?

Е л е н а. Боже мой! Как вы меня испугали, Шервинский! Как же вы вошли без звонка?

Ш е р в и н с к и й. Да у вас дверь открыта – все настезь. Здравия желаю, Елена Васильевна. (*Вынимает из бумаги громадный букет.*)

Е л е н а. Сколько раз я просила вас, Леонид Юрьевич, не делать этого. Мне неприятно, что вы тратите деньги.

Ш е р в и н с к и й. Деньги существуют на то, чтобы их тратить, как сказал Карл Маркс. Разрешите снять бурку?

Е л е н а. А если б я сказала, что не разрешаю?

Ш е р в и н с к и й. Я просидел бы всю ночь в бурке у ваших ног.

Е л е н а. Ой, Шервинский, армейский комплимент.

Ш е р в и н с к и й. Виноват, это гвардейский комплимент. (*Снимает в передней бурку, остается в великолепнейшей черкеске.*) Я так рад, что вас увидел! Я так давно вас не видел!

Е л е н а. Если память мне не изменяет, вы были у нас вчера.

Ш е р в и н с к и й. Ах, Елена Васильевна, что такое в наше время «вчера»! Итак, кто же уехал?

Е л е н а. Владимир Робертович.

Ш е р в и н с к и й. Позвольте, он же сегодня должен был вернуться!

Е л е н а. Да, он вернулся и... опять уехал.

Ш е р в и н с к и й. Куда?

Е л е н а. Какие дивные розы!

Ш е р в и н с к и й. Куда?

Е л е н а. В Берлин.

Ш е р в и н с к и й. В... Берлин? И надолго, разрешите узнать?

Е л е н а. Месяца на два.

Ш е р в и н с к и й. На два месяца! Да что вы!.. Печально, печально, печально... Я так расстроен, я так расстроен!!

Е л е н а. Шервинский, пятый раз целуете руку.

Ш е р в и н с к и й. Я, можно сказать, подавлен... Боже мой, да тут все! Ура! Ура!

Г о л о с Н и к о л к и. Шервинский! Демона!

Е л е н а. Чему вы так бурно радуетесь?

Ш е р в и н с к и й. Я радуюсь... Ах, Елена Васильевна, вы не поймете!..

Е л е н а. Вы не светский человек, Шервинский.

Ш е р в и н с к и й. Я не светский человек? Позвольте, почему же? Нет, я светский... Просто я, знаете ли, расстроен... Итак, стало быть, он уехал, а вы остались.

Е л е н а. Как видите. Как ваш голос?

Ш е р в и н с к и й (*у рояля*). Ма-ма... миа... ми... Он далеко, он да... он далеко, он не узнает... Да... В бесподобном голосе. Ехал к вам на извозчике, казалось, что и голос сел, а сюда приезжаю – оказывается, в голосе.

Е л е н а. Ноты захватили?

Ш е р в и н с к и й. Ну как же, как же... Вы чистой воды богиня!

Е л е н а. Единственно, что в вас есть хорошего, – это голос, и прямое ваше назначение – это оперная карьера.

Ш е р в и н с к и й. Кое-какой материал есть. Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды в Жмеринке пел эпиталаму, там вверх «фа», как вам известно, а я взял «ля» и держал девять тактов.

Е л е н а. Сколько?

Ш е р в и н с к и й. Семь тактов держал. Напрасно вы не верите. Ей-Богу! Там была графиня Гендрикова... Она влюбилась в меня после этого «ля».

Е л е н а. И что же было потом?
Ш е р в и н с к и й. Отравилась. Цианистым калием.
Е л е н а. Ах, Шервинский! Это у вас болезнь, честное слово. Господа, Шервинский! Идите к столу!

Входят А л е к с е й, С т у д з и н с к и й и М ы ш л а е в с к и й.

А л е к с е й. Здравствуйте, Леонид Юрьевич. Милости просим.
Ш е р в и н с к и й. Виктор! Жив! Ну, слава Богу! Почему ты в чалме?
М ы ш л а е в с к и й (*в чалме из полотенца*). Здравствуй, адъютант.
Ш е р в и н с к и й (*Студзинскому*). Мое почтение, капитан.

Входят Л а р и о с и к и Н и к о л к а.

М ы ш л а е в с к и й. Позвольте вас познакомить. Старший офицер нашего дивизиона капитан Студзинский, а это мсье Суржанский. Вместе с ним купались.

Н и к о л к а. Кузен наш из Житомира.

С т у д з и н с к и й. Очень приятно.

Л а р и о с и к. Душевно рад познакомиться.

Ш е р в и н с к и й. Ее императорского Величества лейб-гвардии уланского полка и личный адъютант гетмана поручик Шервинский.

Л а р и о с и к. Ларион Суржанский. Душевно рад с вами познакомиться.

М ы ш л а е в с к и й. Да вы не приходите в такое отчаяние. Бывший лейб, бывшей гвардии, бывшего полка...

Е л е н а. Господа, идите к столу.

А л е к с е й. Да-да, пожалуйста, а то двенадцать часов, завтра рано вставать.

Ш е р в и н с к и й. Ух, какое великолепие! По какому случаю пир, позвольте спросить?

Н и к о л к а. Последний ужин дивизиона. Завтра выступаем, господин поручик...

Ш е р в и н с к и й. Ага...

С т у д з и н с к и й. Где прикажете, господин полковник?

Ш е р в и н с к и й. Где прикажете?

А л е к с е й. Где угодно, где угодно. Прошу вас! Леночка, будь хозяйкой.

Усаживаются.

Ш е р в и н с к и й. Итак, стало быть, он уехал, а вы остались?

Е л е н а. Шервинский, замолчите.

М ы ш л а е в с к и й. Леночка, водки выпьешь?

Е л е н а. Нет-нет-нет!..

М ы ш л а е в с к и й. Ну, тогда белого вина.

С т у д з и н с к и й. Вам позволите, господин полковник?

А л е к с е й. Мерси, вы, пожалуйста, себе.

М ы ш л а е в с к и й. Вашу рюмку.

Л а р и о с и к. Я, собственно, водки не пью.

М ы ш л а е в с к и й. Помилуйте, я тоже не пью. Но одну рюмку. Как же вы будете селедку без водки есть? Абсолютно не понимаю..

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен.

М ы ш л а е в с к и й. Давно, давно я водки не пил.

Ш е р в и н с к и й. Господа! Здоровье Елены Васильевны! Ура!

С т у д з и н с к и й, Л а р и о с и к, М ы ш л а е в с к и й. Ура!..

Е л е н а. Тише! Что вы, господа! Весь переулочек разбудите. И так уж твердят, что у нас каждый день попойка.

М ы ш л а е в с к и й. Ух, хорошо! Освежает водка. Не правда ли?

Л а р и о с и к. Да, очень!

М ы ш л а е в с к и й. Умоляю, еще по рюмке. Господин полковник...

А л е к с е й. Ты не гони особенно, Виктор, завтра выступать.

Н и к о л к а. И выступим!

Е л е н а. Что с гетманом, скажите?

С т у д з и н с к и й. Да-да, что с гетманом?

Ш е р в и н с к и й. Все обстоит благополучно. Какой вчера был ужин во дворце!.. На две-сти персон. Рябчики... гетман в национальном костюме.

Е л е н а. Да говорят, что немцы нас оставляют на произвол судьбы?

Ш е р в и н с к и й. Не верьте никаким слухам, Елена Васильевна.

Л а р и о с и к. Благодарю, глубокоуважаемый Виктор Викторович. Я ведь, собственно говоря, водки не пью.

М ы ш л а е в с к и й (*выпивая*). Стыдитесь, Ларион!

Ш е р в и н с к и й, Н и к о л к а. Стыдитесь!

Л а р и о с и к. Покорнейше благодарю.

А л е к с е й. Ты, Никол, на водку-то не налегай.

Н и к о л к а. Слушаю, господин полковник! Я – белого вина.

Л а р и о с и к. Как это вы ловко ее опрокидываете, Виктор Викторович.

М ы ш л а е в с к и й. Достигается упражнением.

А л е к с е й. Спасибо, капитан. А салату?

С т у д з и н с к и й. Покорнейше благодарю.

М ы ш л а е в с к и й. Лена золотая! Пей белое вино. Радость моя! Рыжая Лена, я знаю, от-чего ты так расстроена. Брось! Все к лучшему.

Ш е р в и н с к и й. Все к лучшему.

М ы ш л а е в с к и й. Нет-нет, до дна, Леночка, до дна!

Н и к о л к а (*берет гитару, поет*). Кому чару пить, кому здраву быть... пить чару...

Все (*поют*). Свет Елене Васильевне!

– Леночка, выпейте!

– Выпейте... выпейте...

Е л е н а пьет.

– Браво!!!

Аплодируют.

М ы ш л а е в с к и й. Ты замечательно выглядишь сегодня. Ей-Богу. И капот этот идет к тебе, клянусь честью. Господа, гляньте, какой капот, совершенно зеленый!

Е л е н а. Это платье, Витенька, и не зеленое, а серое.

М ы ш л а е в с к и й. Ну, тем хуже. Все равно. Господа, обратите внимание, не красивая она женщина, вы скажете?

С т у д з и н с к и й. Елена Васильевна очень красивая. Ваше здоровье!

М ы ш л а е в с к и й. Лена ясная, позволь, я тебя обниму и поцелую.

Ш е р в и н с к и й. Ну, ну, Виктор, Виктор!..

М ы ш л а е в с к и й. Леонид, отойди. От чужой, мужней жены отойди!

Ш е р в и н с к и й. Позволь...

М ы ш л а е в с к и й. Мне можно, я друг детства.

Ш е р в и н с к и й. Свинья ты, а не друг детства...

Н и к о л к а (*вставая*). Господа, здоровье командира дивизиона!

Студзинский, Шервинский и Мышлаевский встают.

Л а р и о с и к. Ура!.. Извините, господа, я человек не военный.

М ы ш л а е в с к и й. Ничего, ничего, Ларион! Правильно!

Л а р и о с и к. Многоуважаемая Елена Васильевна! Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо...

Е л е н а. Очень приятно.

Л а р и о с и к. Многоуважаемый Алексей Васильевич... Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо...

А л е к с е й. Очень приятно.

Л а р и о с и к. Господа, кремовые шторы... за ними отдыхаешь душой... забываешь о всех ужасах гражданской войны. А ведь наши израненные души так жаждут покоя...

М ы ш л а е в с к и й. Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете?

Л а р и о с и к. Я? Да... пишу.

М ы ш л а е в с к и й. Так. Извините, что я вас перебил. Продолжайте.

Л а р и о с и к. Пожалуйста... Кремовые шторы... Они отделяют нас от всего мира... Впрочем, я человек не военный... Эх!.. Налейте мне еще рюмочку.

М ы ш л а е в с к и й. Bravo, Ларион! Ишь, хитрец, а говорил – не пьет. Симпатичный ты парень, Ларион, но речи произносишь, как глубокоуважаемый сапог.

Л а р и о с и к. Нет, не скажите, Виктор Викторович, я говорил речи и не однажды... в обществе сослуживцев моего покойного папы... в Житомире... Ну, там податные инспектора... Они меня тоже... ох как ругали!

М ы ш л а е в с к и й. Податные инспектора – известные звери.

Ш е р в и н с к и й. Пейте, Лена, пейте, дорогая!

Е л е н а. Напоить меня хотите? У, какой противный!

Н и к о л к а (*у рояля, поет*).!

*Скажи мне, кудесник, любимец богов⁹,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль на радость соседей-врагов
Могильной засыплюсь землю?*

Л а р и о с и к (*поет*).

Так громче, музыка, играй победу.

Все (*поют*).

*Мы победили, и враг бежит.
Так за...*

Л а р и о с и к. Царя...

А л е к с е й. Что вы, что вы!

Все (*поют фразу без слов*).

.....

Мы грянем громкое «Ура! Ура! Ура!».

Н и к о л к а (*поет*).

Из темного леса навстречу ему...

⁹ Скажи мне, кудесник, любимец богов... – Популярная солдатская песня времен Первой мировой войны на слова «Песни о вещем Олеге» Пушкина, но с припевом:

Так громче, музыка, играй победу,
Мы победили, и враг бежит,
Так за царя, за Русь, за нашу веру
Мы грянем громкое ура!

Все поют.

Л а р и о с и к. Эх! До чего у вас весело, Елена Васильевна, дорогая! Огни!.. Ура!
Ш е р в и н с к и й. Господа! Здоровье его светлости гетмана всея Украины. Ура!

Пауза.

С т у д з и н с к и й. Виноват. Завтра драться я пойду, но тост этот пить не стану и другим офицерам не советую.

Ш е р в и н с к и й. Господин капитан!

Л а р и о с и к. Совершенно неожиданное происшествие.

М ы ш л а е в с к и й (пьян). Из-за него, дьявола, я себе ноги отморозил. (Пьет.)

С т у д з и н с к и й. Господин полковник, вы тост одобряете?

А л е к с е й. Нет, не одобряю!

Ш е р в и н с к и й. Господин полковник, позвольте, я скажу!

С т у д з и н с к и й. Нет, уж позвольте, я скажу!

Л а р и о с и к. Нет, уж позвольте, я скажу! Здоровье Елены Васильевны, а равно ее глубокоуважаемого супруга, отбывшего в Берлин!

М ы ш л а е в с к и й. Во! Угадал, Ларион! Лучше – трудно.

Никол к а (поет).

Скажи мне всю правду, не бойся меня...

Л а р и о с и к. Простите, Елена Васильевна, я человек не военный.

Е л е н а. Ничего, ничего, Ларион. Вы душевный человек, хороший. Идите ко мне сюда.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна! Ах, Боже мой, красное вино!..

Н и к о л к а. Солью, солью посыпем... ничего.

С т у д з и н с к и й. Этот ваш гетман!..

А л е к с е й. Одну минуту, господа!.. Что же, в самом деле? В насмешку мы ему дались, что ли? Если бы ваш гетман, вместо того чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, ведь Петлюры бы духу не пахло в Малороссии. Но этого мало: мы бы большевиков в Москве прихлопнули, как мух. И самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас!

Ш е р в и н с к и й. Немцы бы не позволили формировать армию, они ее боятся.

А л е к с е й. Неправда-с. Немцам нужно было объяснить, что мы им не опасны. Конечно! Войну мы проиграли! У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще все на свете: у нас большевики. Немцам нужно было сказать: «Вам что? Нужен хлеб, сахар? Нате, берите, лопаите, подавитесь, но только помогите нам, чтобы наши мужички не заболели московской болезнью¹⁰». А теперь поздно, теперь наше офицерство превратилось в завсегдатаев кафе. Кафейная армия! Пойди его заberi. Так он тебе и пойдет воевать. У него, у мерзавца, валюта в кармане¹¹. Он в кофейне сидит на Крещатике, а вместе с ним вся эта гвардейская штабная

¹⁰ «...чтобы наши мужички не заболели московской болезнью». – В первой редакции: «...чтобы наши богоносцы не заболели бы московской болезнью.

М ы ш л а е в с к и й. Аа... Богоносцы... Достоевский. Смерть моя. Слышал. Вот кого повесить. Достоевского повесить! <...>

А л е к с е й. Он был пророк! Ты знаешь, он предвидел все, что получится. Смотрите, вон книга лежит – „Бесы“. Я читал ее как раз перед вашим приходом. Ах, если бы это мы все раньше могли предвидеть! Но только теперь, когда над нами стряслась такая беда, я начал все понимать...»

¹¹ Кафейная армия!.. У него, у мерзавца, валюта в кармане. – Булгаков дает абсолютно точную характеристику разложившемуся офицерству. А вот мнение П. П. Скоропадского по этому вопросу: «...Далеко не все офицерство отозвалось на призыв идти на защиту городов или в особый корпус... Многие офицеры с целью наживы устроились в Киеве... В то время Киев особенно был городом самой беззастенчивой спекуляции... Очень многие офицеры... бросались на всякие прибыльные авантюры, иногда совсем несовместимые с офицерским званием, и наживали большие деньги. Такие офицеры уже не годились для боевой службы... Они изобретали всевозможные отговорки, лишь бы только не отозваться на призыв... Они много, много принесли вреда...» (Скоропадский П. П. С. 98). Казалось бы, оценки офицерства совпадающие, но Булгаков в том и упрекает гетмана, что разложение офицеров началось после

орава. Нуте-с, великолепно! Дали полковнику Турбину дивизион: лети, спеши, формируй, ступай, Петлюра идет!.. Отлично-с! А вот глянул я вчера на них, и, даю вам слово чести, – в первый раз дрогнуло мое сердце.

Мышлаевский. Алеша, командирчик ты мой! Артиллерийское у тебя сердце! Пью здоровье!

Алексей. Дрогнуло, потому что на сто юнкеров – сто двадцать студентов, и держат они винтовку, как лопату. И вот вчера на плацу... Снег идет, туман вдали... Померещился мне, знаете ли, гроб...

Елена. Алеша, зачем ты говоришь такие мрачные вещи? Не смей!

Николка. Не извольте расстраиваться, господин командир, мы не выдадим.

Алексей. Вот, господа, сижу я сейчас среди вас, и все у меня одна неотвязная мысль. Ах! Если бы мы все это могли предвидеть раньше! Вы знаете, что такое этот ваш Петлюра? Это миф, это черный туман. Его и вовсе нет. Вы гляньте в окно, посмотрите, что там. Там метель, какие-то тени... В России, господа, две силы: большевики и мы. Мы еще встретимся. Вижу я более грозные времена. Вижу я... Ну, ладно! Мы не удержим Петлюру. Но ведь он ненадолго придет. А вот за ним придут большевики. Вот из-за этого я и иду! На рожон, но пойду! Потому что, когда мы встретимся с ними¹², дело пойдет веселее. Или мы их закопаем, или, вернее, они нас. Пью за встречу, господа!

Ларосик (*за роялем, поет*).

*Жажда встречи,
Клятвы, речи –
Все на свете
Трын-трава...*

Николка. Здорово, Ларион! (*Поет.*)

*Жажда встречи,
Клятвы, речи...*

Все сумбурно поют. Лариосик внезапно зарыдал.

Елена. Ларосик, что с вами?

Николка. Ларион!

Мышлаевский. Что ты, Ларион, кто тебя обидел?

Ларосик (*пьян*). Я испугался.

Мышлаевский. Кого? Большевиков? Ну, мы им сейчас покажем! (*Берет маузер.*)

Елена. Виктор, что ты делаешь?!

Мышлаевский. Комиссаров буду стрелять. Кто из вас комиссар¹³?

Шервинский. Маузер заряжен, господа!!

Студзинский. Капитан, сядь сию минуту!

Елена. Господа, отнимите у него!

их невостремования своевременного гетманской властью, которая более всего боялась именно возрождения боеспособной русской армии.

¹² Мы не удержим Петлюру... А вот за ним придут большевики. Вот из-за этого я и иду!.. мы встретимся с ними... – Во второй редакции более определенно: «Ну, не удержим Петлюру. Он ненадолго придет, а вот за ним придет Троцкий. Из-за этого я и иду... когда придется нам встретиться с Троцким...»

¹³ Кого? Большевиков? Ну, мы им сейчас покажем!.. Комиссаров буду стрелять. Кто из вас комиссар? – Во второй редакции: «Троцкого? Ах, Троцкого. Мы ему сейчас покажем. (*Вынимает маузер.*) <...> В комиссаров буду стрелять. (*В зрительный зал.*) Который из вас Троцкий?»

Именно такого рода «конкретизация» врага белых вызывала неприятие не только у «критиков» и цензуры, но и у постановщиков пьесы в Художественном театре.

Отнимает маузер. Лариосик уходит.

А л е к с е й. Что ты, с ума сошел? Сядь сию минуту! Это я виноват, господа.

М ы ш л а е в с к и й. Стало быть, я в компанию большевиков попал. Очень приятно. Здравствуйте, товарищи! Выпьем за здоровье комиссаров. Они симпатичные!

Е л е н а. Виктор, не пей больше.

М ы ш л а е в с к и й. Молчи, комиссарша!

Ш е р в и н с к и й. Боже, как налился!

А л е к с е й. Господа, это я виноват. Не слушайте того, что я сказал. Просто у меня расстроены нервы.

С т у д з и н с к и й. О нет, господин полковник. Поверьте, что мы понимаем и что мы разделяем все, что вы сказали. Империю Российскую мы будем защищать всегда!

Н и к о л к а. Да здравствует Россия!

Ш е р в и н с к и й. Позвольте слово! Вы меня не поняли! Гетман так и сделает, как вы предлагаете. Вот когда нам удастся отбиться от Петлюры и союзники помогут нам разбить большевиков, вот тогда гетман положит Украину к стопам Его императорского Величества государя императора Николая Александровича...

М ы ш л а е в с к и й. Какого Александровича? А говорит, я налился.

Н и к о л к а. Император убит...

Ш е р в и н с к и й. Господа! Известие о смерти Его императорского Величества...

М ы ш л а е в с к и й. Несколько преувеличено.

С т у д з и н с к и й. Виктор, ты офицер!

Е л е н а. Дайте же сказать ему, господа!

Ш е р в и н с к и й...вымышлено большевиками. Вы знаете, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана? Император Вильгельм сказал: «А о дальнейшем с вами будет говорить...» – портьера раздвинулась, и вышел наш государь.

Входит Лариосик.

Он сказал: «Господа офицеры, поезжайте на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет время, я лично вас поведу в сердце России, в Москву!» И прослезился.

С т у д з и н с к и й. Убит он!

Е л е н а. Шервинский! Это правда?

Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна!

А л е к с е й. Поручик, это легенда! Я уже слышал эту историю.

Н и к о л к а. Все равно. Пусть император мертв, да здравствует император! Ура!.. Гимн! Шервинский! Гимн! *(Поет.)* Боже, царя храни!..

Ш е р в и н с к и й, С т у д з и н с к и й, М ы ш л а е в с к и й. Боже, царя храни!

Л а р и о с и к *(поет)*. Сильный, державный...

Н и к о л к а, С т у д з и н с к и й, Ш е р в и н с к и й. Царствуй на...

Е л е н а, А л е к с е й. Господа, что вы! Не нужно этого!

М ы ш л а е в с к и й *(плачет)*. Алеша, разве это народ! Ведь это бандиты. Профессиональный союз цареубийц¹⁴. Петр Третий... Ну что он им сделал? Что? Орут: «Войны не надо!» От-

¹⁴ Алеша, разве это народ! Ведь это бандиты. Профессиональный союз цареубийц. – Любимый булгаковский прием: разбрасывать свои важные мысли по персонажам. В данном случае Мышлаевский продолжает убиваться мыслью о собственном народе, но расширяя уже свое видение трагедии России до высшего сословия... Речь конкретно идет об убийствах Петра III, Павла I и Александра II, отменившего крепостное право. Булгаков акцентирует внимание именно на «симпатичном» императоре, давшем народу волю, и получившему в ответ бомбу... В связи с этим хотелось бы привести отрывок из воспоминаний писателя Августа Явича о его споре с Булгаковым именно на исторические темы, и в частности о тиранах.

«– Какой тиран не совершал преступлений! – подкинул снова Булгаков.

И я опять клюнул на приманку.

– Никогда не поставил бы Наполеона при всех его преступлениях в ряду тиранов, таких как Иван Грозный... Вспомните его кровавый синодик. И так же бил земные поклоны, стирая кожу со лба и натирая мозоли на коленях...

– Не слишком ли густо, – сказал Булгаков. – Преступник, злодей, безумец, спору нет, а все же утвердил самодержавие и российскую государственность...

лично... Он же прекратил войну. И кто? Собственный дворянин царя по морде бутылкой!.. Павла Петровича князь портсигаром по уху... А этот... забыл, как его... с бакенбардами, симпатичный, дай, думает, мужикам приятное сделаю, освобожу их, чертей полосатых. Так его бомбой за это? Пороть их надо, негодяев, Алеша¹⁵! Ох, мне что-то плохо, братцы...

Е л е н а. Ему плохо!

Н и к о л к а. Капитану плохо!

А л е к с е й. В ванну.

С т у д з и н с к и й, Н и к о л к а и А л е к с е й поднимают Мышлаевского и выносят.

Е л е н а. Я пойду посмотрю, что с ним.

Ш е р в и н с к и й (*загородив дверь*). Не надо, Лена!

Е л е н а. Господа, господа, ведь нужно же так... Хаос... Накурили... Лариосик-то, Лариосик!..

Ш е р в и н с к и й. Что вы, что вы, не будите его!

Е л е н а. Я сама из-за вас напилась. Боже, ноги не ходят.

Ш е р в и н с к и й. Вот сюда, сюда... Вы мне разрешите... возле вас?

Е л е н а. Садитесь... Шервинский, что с нами будет? Чем же все это кончится? А?... Я видела дурной сон. Вообще кругом за последнее время все хуже и хуже.

Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна! Все будет благополучно, а снам вы не верьте...

Е л е н а. Нет, нет, мой сон – вещий. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. Ветер воет. Холодно-холодно. Волны. А мы в трюме. Вода поднимается к самым ногам... Влезаем на какие-то нары. И вдруг крысы. Такие омерзительные, такие огромные. Так страшно, что я проснулась.

Ш е р в и н с к и й. А вы знаете что, Елена Васильевна? Он не вернется.

Е л е н а. Кто?

Ш е р в и н с к и й. Ваш муж.

Е л е н а. Леонид Юрьевич, это нахальство. Какое вам дело? Вернется, не вернется.

Ш е р в и н с к и й. Мне-то большое дело. Я вас люблю.

Е л е н а. Слышала. И все вы сочиняете.

Ш е р в и н с к и й. Ей-Богу, я вас люблю.

Е л е н а. Ну и любите про себя.

Ш е р в и н с к и й. Не хочу, мне надоело.

Е л е н а. Пойдите, пойдите. Почему вы вспомнили о моем муже, когда я сказала про крыс?

Ш е р в и н с к и й. Потому что он на крысу похож.

Е л е н а. Какая вы свинья все-таки, Леонид! Во-первых, вовсе не похож.

Ш е р в и н с к и й. Как две капли. Пенсне, носик острый...

Е л е н а. Очень, очень красиво! Про отсутствующего человека гадости говорить, да еще его жене!

Ш е р в и н с к и й. Какая вы ему жена!

Е л е н а. То есть как?

Ш е р в и н с к и й. Вы посмотрите на себя в зеркало. Вы красивая, умная, как говорится, интеллектуально развитая. Вообще женщина на ять. Аккомпанируете прекрасно на рояле. А он рядом с вами – вешалка, карьерист, штабной момент.

Е л е н а. За глаза-то! Отлично! (*Зажимает ему рот.*)

– И обескровил Русь, подготовил Смутное время...

– И не дал растерзать Русь шакалам на мелкие княжеские вотчины» (Воспоминания о Михаиле Булгакове. С. 158-159). Спор этот происходил в 1920-е гг., когда новое «самодержавие» еще не утвердилось в советской Руси.

¹⁵ *Пороть их надо, негодяев, Алеша!* – В первой редакции в ответ Алексей говорит: «Вот Достоевский это и видел и сказал: „Россия – страна деревянная, нищая и опасная, а честь русскому человеку только лишнее бремя!“» И далее: «Ш е р в и н с к и й. На Руси возможно только одно. Вот правильно сказано: вера православная, а власть самодержавная».

Ш е р в и н с к и й. Да я ему это в глаза скажу. Давно хотел. Скажу и вызову на дуэль. Вы с ним несчастливы.

Е л е н а. С кем же я буду счастлива?

Ш е р в и н с к и й. Со мной.

Е л е н а. Вы не годитесь.

Ш е р в и н с к и й. Ого-го!.. Почему это я не гожусь?

Е л е н а. Что в вас есть хорошего?

Ш е р в и н с к и й. Да вы всмотритесь.

Е л е н а. Ну побрякушки адъютантские, смазлив, как херувим. И голос. И больше ничего.

Ш е р в и н с к и й. Так я и знал! Что за несчастье! Все твердят одно и то же: Шервинский – адъютант, Шервинский – певец, то, другое... А что у Шервинского есть душа, этого никто не замечает. И живет Шервинский как бездомная собака, и не к кому Шервинскому на грудь голову склонить.

Е л е н а (*отталкивает его голову*). Вот гнусный ловелас! Мне известны ваши похождения. Всем одно и то же говорите. И этой вашей, длинной. Фу, губы накрашенные...

Ш е р в и н с к и й. Она не длинная. Это меццо-сопрано. Елена Васильевна, ей-Богу, ничего подобного я ей не говорил и не скажу. Нехорошо с вашей стороны, Лена, как нехорошо с твоей стороны, Лена.

Е л е н а. Я вам не Лена!

Ш е р в и н с к и й. Ну, нехорошо с твоей стороны, Елена Васильевна. Вообще у вас нет никакого чувства ко мне.

Е л е н а. К несчастью, вы мне очень нравитесь.

Ш е р в и н с к и й. Ага! Нравлюсь. А мужа своего вы не любите.

Е л е н а. Нет люблю.

Ш е р в и н с к и й. Лена, не лги. У женщины, которая любит мужа, не такие глаза. Я видал женские глаза. В них все видно.

Е л е н а. Ну да, вы опытни, конечно.

Ш е р в и н с к и й. Как он уехал?!

Е л е н а. И вы бы так сделали.

Ш е р в и н с к и й. Я? Никогда! Это позорно. Сознайтесь, что вы его не любите!

Е л е н а. Ну, хорошо: не люблю и не уважаю. Не уважаю. Довольны? Но из этого ничего не следует. Уберите руки.

Ш е р в и н с к и й. А зачем вы тогда поцеловались со мной?

Е л е н а. Лжешь ты! Никогда я с тобой не целовалась. Лгун с аксельбантами!

Ш е р в и н с к и й. Я лгу?.. А у рояля? Я пел «Бога всесильного»... и мы были одни. И даже скажу когда – восьмого ноября. Мы были одни, и ты поцеловала в губы.

Е л е н а. Я тебя поцеловала за голос. Понял? За голос. Матерински поцеловала. Потому что голос у тебя замечательный. И больше ничего.

Ш е р в и н с к и й. Ничего?

Е л е н а. Это мучение. Честное слово! Посуда грязная. Эти пьяные. Муж куда-то уехал. Кругом свет...

Ш е р в и н с к и й. Свет мы уберем. (*Тушит верхний свет.*) Так хорошо? Слушай, Лена, я тебя очень люблю. Я тебя все равно не выпущу. Ты будешь моей женой.

Е л е н а. Пристал, как змея... как змея.

Ш е р в и н с к и й. Какая же я змея?

Е л е н а. Пользуется каждым случаем и соблазняет. Ничего ты не добьешься. Ничего. Какой бы он ни был, не стану я из-за тебя ломать свою жизнь. Может быть, ты еще хуже окажешься.

Ш е р в и н с к и й. Лена, до чего ты хороша!

Е л е н а. Уйди! Я пьяна. Это ты сам меня напоил нарочно. Ты известный негодяй. Вся жизнь наша рушится. Все пропадает, валится.

Ш е р в и н с к и й. Елена, ты не бойся, я тебя не покину в такую минуту. Я возле тебя буду, Лена.

Е л е н а. Выпустите меня. Я боюсь бросить тень на фамилию Тальберг.

Ш е р в и н с к и й. Лена, ты брось его совсем и выходи за меня... Лена!

Целуются.

Разведешься?

Е л е н а. Ах, пропади все пропадом!

Целуются.

Л а р и о с и к *(внезапно)*. Не целуйтесь, а то меня тошнит.

Е л е н а. Пустите меня! Боже мой! *(Убегает.)*

Л а р и о с и к. Ох!..

Ш е р в и н с к и й. Молодой человек, вы ничего не видали!,

Л а р и о с и к *(мутно)*. Нет, видал.

Ш е р в и н с к и й. То есть как?

Л а р и о с и к. Если у тебя король, ходи с короля, а дам не трогай!.. Не трогай!.. Ой!..

Ш е р в и н с к и й. Я с вами не играл.

Л а р и о с и к. Нет, ты играл.

Ш е р в и н с к и й. Боже, как нарезался!

Л а р и о с и к. Вот посмотрим, что мама вам скажет, когда я умру. Я говорил, что я человек не военный, мне водки столько нельзя. *(Падает на грудь Шервинскому.)*

Ш е р в и н с к и й. Как надрался!

Часы бьют три, играют менуэт.

З а н а в е с

Действие второе

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Рабочий кабинет гетмана во дворце. Громадный письменный стол, на нем телефонные аппараты. Отдельно полевой телефон. На стене огромная карта в раме. Ночь. Кабинет ярко освещен.

Дверь открывается, и камер-лакей впускает Ш е р в и н-с к о г о.

Ш е р в и н с к и й. Здравствуйте, Федор.

Л а к е й. Здравия желаю, господин поручик.

Ш е р в и н с к и й. Как! Никого нет? А кто из адъютантов дежурит у аппаратов?

Л а к е й. Его сиятельство князь Новожильцев.

Ш е р в и н с к и й. А где же он?

Л а к е й. Не могу знать. С полчаса назад вышли.

Ш е р в и н с к и й. Как это так? И аппараты полчаса стояли без дежурного?

Л а к е й. Да никто не звонил. Я все время был у дверей.

Ш е р в и н с к и й. Мало ли что не звонил! А если бы позвонил? В такой момент! Черт знает что такое!

Л а к е й. Я бы принял телефонограмму. Они так и распорядились, чтобы, пока вы не придете, я бы записывал.

Ш е р в и н с к и й. Вы? Записывать военные телефонограммы?! Да что у него, размягчение мозга? А, понял, понял! Он заболел?

Л а к е й. Никак нет. Они вовсе из дворца вышли.

Ш е р в и н с к и й. То есть как это – вовсе из дворца? Вы шутите, дорогой Федор. Не сдав дежурства, отбыл из дворца? Значит, он в сумасшедший дом отбыл?

Л а к е й. Не могу знать. Только они забрали свою зубную щетку, полотенце и мыло из адъютантской комнаты. Я же им еще газету давал.

Ш е р в и н с к и й. Какую газету?

Л а к е й. Я же докладываю, господин поручик: во вчерашний номер они мыло завернули.

Ш е р в и н с к и й. Позвольте, да вот же его шашка!

Л а к е й. Да они в штатском уехали.

Ш е р в и н с к и й. Или я с ума сошел, или вы. Запись-то он мне оставил, по крайней мере? Что-нибудь приказал передать?

Л а к е й. Приказали кланяться.

Ш е р в и н с к и й. Вы свободны, Федор.

Л а к е й. Слушаю. Разрешите доложить, господин адъютант?

Ш е р в и н с к и й. Нуте-с?

Л а к е й. Они изволили неприятное известие получить.

Ш е р в и н с к и й. Откуда? Из дому?

Л а к е й. Никак нет. По полевому телефону. И сейчас же заторопились. При этом в лице очень изменились.

Ш е р в и н с к и й. Я надеюсь, Федор, что вас не касается окраска лица адъютантов его светлости. Вы лишнее говорите.

Л а к е й. Прошу извинить, господин поручик. *(Уходит.)*

Ш е р в и н с к и й *(говорит по телефону на гетманском столе)*. 12-23... Мерси... Это квартира князя Новожильцева?.. Попросите Сергея Николаевича... Что? Во Дворце? Его нет во дворце. Я сам говорю из дворца... Постой, Сережа, да это твой голос!.. Сере... Позвольте...

Телефон звонит отбой.

Что за хамство! Я же отлично слышал, что это он сам. *(Пауза.)* Шервинский, Шервинский... *(Вызывает по левому телефону, телефон пищит.)* Штаб Святошинского отряда... Попросите начштаба... Как – его нет! Помощника... Штаб Святошинского отряда?.. Что за чертовщина!.. *(Садится за стол, звонит.)*

Входит камер-лакей.

(Пишет записку.) Федор, сейчас же эту записку передайте вестовому. Чтобы срочно поехал ко мне на квартиру на Львовскую улицу, там ему по этой записке дадут сверток. Чтобы сейчас же привез его сюда. Вот два карбованца ему на извозчика. Вот записка в комендатуру на пропуск.

Л а к е й. Слушаю. *(Уходит.)*

Ш е р в и н с к и й *(трогает баки, задумчиво)*. Что за чертовщина, честное слово!

На столе звонит телефон.

Я слушаю... Да. Личный адъютант его светлости поручик Шервинский... Здравия желаю, ваше превосходительство... Как-с? *(Пауза.)* Болботун?! Как, со всем штабом?.. Слушаю!.. Так-с, передам... Слушаю, ваше превосходительство... Его светлость должен быть в двенадцать часов ночи. *(Вешает трубку.)*

Телефон звонит отбой. Пауза.

Я убит, господа! *(Свистит.)*

За сценой глухая команда: «Смирно!» – потом многоголосый крик караула: «Здравия желаем, ваша светлость!»

Лакей *(открывает обе половинки двери)*. Его светлость!

Входит г е т м а н. Он в богатейшей черкеске, малиновых шароварах и сапогах без каблук кавказского типа и без шпор. Блестящие генеральские погоны. Коротко подстриженные се-

деющие усы, гладко обритая голова, лет сорока пяти.

Г е т м а н. Здравствуйте, поручик.

Ш е р в и н с к и й. Здравия желаю, вашахветлость;

Г е т м а н. Приехали?

Ш е р в и н с к и й. Осмелюсь спросить – кто?

Г е т м а н. Как это – кто? Я назначил без четверти двенадцать совещание у меня. Должен быть командующий русской армией, начальник гарнизона и представители германского командования. Где они?

Ш е р в и н с к и й. Не могу знать. Никто не прибыл.

Г е т м а н. Вечно опаздывают. Сводку мне за последний час. Живо!

Ш е р в и н с к и й. Осмелюсь доложить вашей светлости: я только что принял дежурство. Корнет князь Новожилицев, дежуривший передо мной...

Г е т м а н. Я давно уже хотел поставить на вид вам и другим адъютантам, что следует говорить по-украински. Это безобразие, в конце концов! Ни один мой офицер не говорит на языке страны, а на украинские части это производит самое отрицательное впечатление. Прохаю ласково.

Ш е р в и н с к и й. Слухаю, ваша светлость. Дежурный адъютант корнет... князь... *(В сторону.)* Черт его знает, как «князь» по-украински!.. Черт! *(Вслух.)* Новожилицев, временно исполняющий обязанности... Я думаю... думаю... думоваю...

Г е т м а н. Говорите по-русски!

Ш е р в и н с к и й. Слушаю, ваша светлость. Корнет князь Новожилицев, дежуривший передо мной, очевидно, внезапно заболел и отбыл домой еще до моего прибытия...

Г е т м а н. Что вы такое говорите? Отбыл с дежурства? Вы сами-то как? В здравом уме? То есть как это – отбыл с дежурства? Значит, бросил дежурство? Что у вас тут происходит, в конце концов? *(Звонит по телефону.)* Комендатура?.. Дать сейчас же наряд... По голосу надо слышать, кто говорит. Наряд на квартиру к моему адъютанту корнету Новожилицеву, арестовать его и доставить в комендатуру. Сию минуту.

Ш е р в и н с к и й *(в сторону)*. Так ему и надо! Будет знать, как чужими голосами по телефону разговаривать. Хам!

Г е т м а н *(по телефону)*. Зараз! *(Шервинскому.)* Ну а запись он оставил?

Ш е р в и н с к и й. Так точно. Но на ленте ничего нет.

Г е т м а н. Да что ж он? Спятил? Рехнулся? Да я его расстреляю сейчас, здесь же, у дворцового парапета. Я вам покажу всем! Соединитесь сейчас же со штабом командующего. Просить немедленно ко мне! То же самое начгарнизона и всех командиров полков. Живо!

Ш е р в и н с к и й. Осмелюсь доложить, ваша светлость, известие чрезвычайной важности.

Г е т м а н. Какое там еще известие?

Ш е р в и н с к и й. Пять минут назад мне звонили из штаба командующего и сообщили, что командующий добровольческой армии при вашей светлости внезапно заболел и отбыл со всем штабом в германском поезде в Германию.

Пауза.

Г е т м а н. Вы в здравом уме? У вас глаза больные... Вы соображаете, о чем вы доложили? Что такое произошло? Катастрофа, что ли? Они бежали? Что же вы молчите? Ну!..

Ш е р в и н с к и й. Так точно, ваша светлость, катастрофа. В десять часов вечера петлюровские части прорвали городской фронт и конница Болботуна пошла в прорыв...

Г е т м а н. Болботуна?.. Где?..

Ш е р в и н с к и й. За Слободкой, в десяти верстах.

Г е т м а н. Погодите... погодите... так... что такое?.. Вот что... Во всяком случае, вы отличный, расторопный офицер. Я давно это заметил. Вот что. Сейчас же соединитесь со штабом германского командования и просите представителей его сию минуту пожаловать ко мне. Живо, голубчик, живо!

Ш е р в и н с к и й. Слушаю. *(По телефону.)* Третий. Seien Sie bitte so liebenswiirdig, Herrn Major von Dust an den Apparat zu bitten.

Стук в дверь.

Ja...Ja¹⁶...

Г е т м а н. Войдите, да.

Л а к е й. Представители германского командования генерал фон Шратт и майор фон Дуст просят их принять.

Г е т м а н. Просить сюда сейчас же. (*Шервинскому.*) Отставить.

Лакей впускает фон Ш р а т т а и фон Д у с т а. Оба в серой форме. Шратт – длиннолицый, седой Дуст с багровым лицом. Оба в моноклях.

Ш р а т т. Wir haben die Ehre, Euer Durchlaucht zu begriissen¹⁷.

Г е т м а н. Sehr erfreut Sie zu sehen, meine Herren. Bitte nehmen Sie Platz.

Немцы усаживаются.

Ich habe eben die Nachricht von der schwierigen Lage unserer Armee erhalten¹⁸.

Ш р а т т. Das ist uns schon langere Zeit bekannt¹⁹.

Г е т м а н (*Шервинскому*). Пожалуйста, записывайте протокол совещания.

Ш е р в и н с к и й. По-русски разрешите, ваша светлость?

Г е т м а н. Генерал, могу просить говорить по-русски?

Ш р а т т (*с резким акцентом*). О да! С большим удовольствием.

Г е т м а н. Мне сейчас стало известно, что петлюровская конница прорвала городской фронт.

Шервинский пишет.

Кроме того, из штаба русского командования я имею какие-то совершенно невероятные известия. Штаб русского командования позорно бежал. Das ist ja unerhort²⁰ (*Пауза.*) Я обращаюсь через ваше посредство к германскому правительству... со следующим заявлением: Украине угрожает смертельная опасность. Банды Петлюры грозят занять столицу. В случае такого исхода в столице произойдет анархия. Поэтому я прошу германское командование немедленно дать войска для отражения хлынувших сюда банд и восстановления порядка на Украине, столь дружелюбной Германии.

Ш р а т т. Сожалени, германски командование не может такое сделать.

Г е т м а н. Как? Уведомьте, генерал, почему?

Ш р а т т. Physisch unmöglich! Физически невозможно есть. Erstens, во-первых, по нашим сведениям, Петлюра имеет двести тисч войск, великелепно вооружен. А между тем германски командование забирайт дивизии и уводит их в Германии.

Ш е р в и н с к и й (*в сторону*). Мерзавцы!

Ш р а т т. Таким образом, в распоряжении нашим вооружении достаточны сил нет. Zweitens, во-вторых, вся Украина оказывает на стороне Петлюры.

Г е т м а н. Поручик, подчеркните эту фразу в протоколе.

Ш е р в и н с к и й. Слушаю-с.

¹⁶ Будьте любезны, позовите к телефону господина майора фон Дуста. Да... Да... (*нем.*)

¹⁷ Имеем честь приветствовать вашу светлость (*нем.*).

¹⁸ Я очень рад вас видеть, господа. Прошу вас, садитесь... Я только что получил известия о тяжелом положении нашей армии (*нем.*).

¹⁹ Мы об этом знали уже давно (*нем.*).

²⁰ Это неслыханно! (*нем.*)

Ш р а т т. Ничего не имеют против. Подчеркнуть. Таким образом, остановить Петлюру невозможно есть.

Г е т м а н. Значит, меня, армию и правительство германское командование внезапно оставляет на произвол судьбы?

Ш р а т т. Ниэт, ми командированы брать меры к спасению вашей светлости.

Г е т м а н. Какие же меры командование предлагает?

Ш р а т т. Моментальную эвакуацию вашей светлости. Сейчас вагон и nach Германия.

Г е т м а н. Простите, я ничего не понимаю. Как же так?.. Виноват. Может быть, это германское командование эвакуировало князя Белорукова?

Ш р а т т. Точно так.

Г е т м а н. Без согласия со мной? *(Волнуясь.)* Я не согласен. Я заявляю правительству Германии протест против таких действий. У меня есть еще возможность собрать армию в городе и защищать Киев своими средствами. Но ответственность за разрушение столицы ляжет на германское командование. И я думаю, что правительства Англии и Франции...

Ш р а т т. Правительство Англии! Правительство Франции!! Германское правительство ощущает в себе достаточно силы, чтобы не давать разрушение столицы.

Г е т м а н. Это угроза, генерал?

Ш р а т т. Предупреждение, ваша светлость. В распоряжении вашей светлости никаких вооруженных сил нет. Положение катастрофическое...

Д у с т *(тихо Шратту)*. Mein General, wir haben gar keine Zeit. Wir miissen²¹...

Ш р а т т. Ja-ja... Ваша светлость, позвольте сказать последнее: мы сейчас перехватили сведения, что конница Петлюры восемь верст от Киева. И завтра утром она войдет...

Г е т м а н. Я узнаю об этом последний!

Ш р а т т. Ваша светлость, вы знаете, что будет с вами случае взятия вас в плен? На вашей светлости есть приговор. Он есть весьма печален.

Г е т м а н. Какой приговор?

Ш р а т т. Прошу извинения у вашей светлости. *(Пауза.)* Повиэсить. *(Пауза.)* Ваша светлость, я попросил бы ответ мгновенно. В моем распоряжении только десять маленьких минут, после этого я раздеваю с себя ответственность за жизнь вашей светлости.

Большая пауза.

Г е т м а н. Я еду!

Ш р а т т. Ах, едете? *(Дусту.)* Будьте любезны, действовать тайно и без всяки шум.

Д у с т. О, никакой шум! *(Стреляет из револьвера в потолок два раза.)*

Шервинский растерян.

Г е т м а н *(берясь за револьвер)*. Что это значит?

Ш р а т т. О, будьте спокойны, ваша светлость. *(Скрывается в портьере правой двери.)*

За сценой гул, крики: «Караул, в ружье!» Топот.

Д у с т *(открывая среднюю дверь)*. ruhig²²! Спокойно! Генерал фон Шратт зацепил брюками револьвер, ошибочно попал к себе на голова.

Голоса за сценой: «Гетман! Где гетман?»

Гетман есть очень здоровый.

Ваша светлость, любезно высуньтесь... Караул...

²¹ Ваше превосходительство, у нас нет времени. Мы должны... *(нем.)*

²² Тише! *(нем.)*

Г е т м а н (*в средних дверях*). Все спокойно, прекратите тревогу.

Д у с т (*в дверях*). Прошу, пропускаяте врача с инструментом.

Тревога утихает. Входит в р а ч германской армии с ящиком и медицинской сумкой. Дуст закрывает среднюю дверь на ключ.

Ш р а т т (*выходя из-за портьеры*). Ваша светлость, прошу переодеваться в германский униформ, как будто вы есть я, а я есть раненый. Мы вас тайно вывезем из города, чтобы никто не знал, чтобы не вызвать возмущения караул.

Г е т м а н. Делайте как хотите.

Звонок по полемому телефону.

Поручик, к аппарату!

Ш е р в и н с к и й. Кабинет его светлости... Как?... Что?... (*Гетману.*) Ваша светлость, два полка сердюков перешли на сторону Петлюры... На обнаженном участке появилась неприятельская конница. Ваша светлость, что передать?

Г е т м а н. Что передать? Передайте, чтобы задержали конницу ну хотя бы на полчаса! Я же должен уехать! Я дам им бронемашины!

Ш е р в и н с к и й (*по телефону*). Вы слушаете?... Задержитесь на полчаса хотя бы! Его светлость даст вам бронемашины!

Д у с т (*вынимая из ящика германскую форму*). Ваша светлость! Где угодно?

Г е т м а н. В спальне.

Г е т м а н и Дуст уходят направо.

Ш е р в и н с к и й (*у авансцены*). Бежать, что ли? Поедет Елена или не поедет? (*Решительно, Шратту.*) Ваше превосходительство, покорнейше прошу взять меня с гетманом, я его личный адъютант. Кроме того, со мной... моя невеста...

Ш р а т т. С сожалением, поручик, не только ваша невеста, но и вас не могу брать. Если вы хотите ехать, отправляйтесь станцию наш штабной поезд. Предупреждаю – никаких мест нет, там уж есть личный адъютант.

Ш е р в и н с к и й. Кто?

Ш р а т т. Как его... Князь Новожилицев.

Ш е р в и н с к и й. Новожилицев! Да когда же он успел?

Ш р а т т. Когда бывает катастрофа, каждый стаёт проворный очень. Он был у нас в штабе сейчас.

Ш е р в и н с к и й. И он там, в Берлине, будет при гетмане служить?

Ш р а т т. О ниэт! Гетман будет один. Никакая свита. Мы только доведем до границ тех, кто желает спасти своя шея от ваш мужик, а там каждый как желает.

Ш е р в и н с к и й. О, покорнейше благодарю. Я и здесь сумею спасти свою шею...

Ш р а т т. Правильно, поручик. Никогда не следует покидать свой родина. Heimat ist Heimat²³.

Входят г е т м а н и Д у с т. Гетман переодет германским генералом. Растерян, курит.

Г е т м а н. Поручик, все бумаги здесь сжечь.

Д у с т. Herr Doctor, seien Sie so liebenswürdig²⁴... Ваша светлость, садитесь.

Гетмана усаживают. Врач забинтовывает ему голову наглухо.

²³ Родина есть родина (*нем.*).

²⁴ Господин доктор, будьте так любезны... (*нем.*)

В р а ч. Fertig²⁵.

Ш р а т т (*Дусту*). Машину!

Д у с т. Sogleich²⁶.

Ш р а т т. Ваша светлость, ложитесь.

Г е т м а н. Но ведь нужно же объявить об этом народу... манифест?..

Ш р а т т. Манифест!.. Пожалуй...

Г е т м а н (*глухо*). Поручик, пишите... Бог не дал мне силы... и я...

Д у с т. Манифест... Нет никакой времени манифест... Из поезда телеграммой...

Г е т м а н. Отставить!

Д у с т. Ваша светлость, ложитесь.

Гетмана укладывают на носилки. Ш р а т т прячется. Среднюю дверь открывают, появляется л а к е й. Д у с т, в р а ч и л а к е й выносят г е т м а н а в левую дверь. Шервинский помогает до двери, возвращается. Входит Ш р а т т.

Ш р а т т. Все в порядке. (*Смотрит на часы-браслет.*) Один час ночи. (*Надевает кепи и плащ.*) До свидания, поручик. Вам советую не засиживаться здесь. Вы можете покойно расходиться. Снимайте погоны. (*Прислушивается.*) Слышите?

Ш е р в и н с к и й. Беглый огонь.

Ш р а т т. Именно. Каламбур! «Беглый»! Пропуск на боковой ход имеете?

Ш е р в и н с к и й. Так точно.

Ш р а т т. Auf Wiedersehen²⁷! Спешите. (*Уходит.*)

Ш е р в и н с к и й (*подавлен*). Чистая немецкая работа. (*Внезапно оживает.*) Нуте-с, времени нету. Нету, нету... нету... (*У стола.*) О, портсигар! Золотой! Гетман забыл. Оставить его здесь? Невозможно, лакеи сопрут. Ого! Фунт, должно быть, весит. Историческая ценность. (*Прячет портсигар в карман.*) Нуте-с... (*За столом.*) Бумаг мы никаких палить не будем, за исключением адъютантского списка. (*Сжигает бумаги.*) Свинья я или не свинья? Нет, я не свинья. (*По телефону.*) 14-53... Да... Дивизион?.. Командира к телефону! Срочно!.. Разбудить! (*Пауза.*) Полковник Турбин?.. Говорит Шервинский. Слушайте, Алексей Васильевич, внимательно: гетман драпу дал... Драпанул!.. Серьезно говорю... Нет, до рассвета есть время... Елене Васильевне передайте, чтобы из дома завтра ни в коем случае не выходила... Я приеду утром прятаться. Прощайте. (*Дает отбой.*) И совесть моя чиста и спокойна... Федор!

Входит к а м е р – л а к е й.

Вестовой привез сверточек?

Л а к е й. Так точно.

Ш е р в и н с к и й. Скорей дайте его сюда!

Л а к е й выходит, потом возвращается с узлом.

Л а к е й (*растерян*). Позвольте узнать, что с их светлостью?

Ш е р в и н с к и й. Что это за вопрос? Гетман изволит почивать. И вообще молчите. Вы хороший человек, Федор. В вашем лице есть что-то... этакое... привлекательное... пролетарское...

Л а к е й. Так-с.

Ш е р в и н с к и й. Федор, принесите мне из адъютантской комнаты мое полотенце, бритву и мыло.

Л а к е й. Слушаю. Газету прикажете?

²⁵ Готово (*нем.*).

²⁶ Сюю минуто (*нем.*)

²⁷ До свидания! (*нем.*)

Ш е р в и н с к и й. Совершенно верно. И газету.

Л а к е й выходит в левую дверь. Шервинский в это время надевает штатское пальто и шляпу, снимает шпоры. Свою шашку и шашку Новожильцева увязывает в узел. Появляется лакей.

Идет мне эта шляпа?

Л а к е й. Как же-с. Бритвочку в карман возьмете?

Ш е р в и н с к и й. Бритву в карман... Ну-с... Дорогой Федор, позвольте вам на память оставить пятьдесят карбованцев.

Л а к е й. Покорнейше благодарю.

Ш е р в и н с к и й. Позвольте пожать вашу честную трудовую руку. Не удивляйтесь, я демократ по натуре, Федор! Я во дворце никогда не был, адъютантом никогда не служил.

Л а к е й. Понятно.

Ш е р в и н с к и й. Вас не знаю. Вообще я оперный артист...

Л а к е й. Неужто ходу дал?

Ш е р в и н с к и й. Смылся.

Л а к е й. Ах, прощельга!

Ш е р в и н с к и й. Бандит неописуемый!

Л а к е й. А нас всех, стало быть, на произвол судьбы?

Ш е р в и н с к и й. Вы же видите. Вам-то еще полгоря, а каково мне?

Звонок телефона.

Слушаю... А! Капитан!.. Да! Бросайте все к чертовой матери и бегите... Значит, знаю, что говорю... Шервинский... Всего хорошего. До свидания!.. Дорогой Федор, как ни приятно мне беседовать с вами, но вы сами видите, что у меня времени нет никакого... Федор, пока я у власти, дарю вам этот кабинет. Что вы смотрите? Чудак! Вы сообразите, какое одеяло выйдет из этой портьеры. *(Исчезает.)*

Пауза. Звонок телефона.

Л а к е й. Слушаю... Чем ж я вам могу помочь?.. Знаете что? Бросайте все к чертовой матери и бегите... Федор говорит... Федор!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Пустое, мрачное помещение. Надпись: «Штаб 1-й кинной дивизии». Штандарт голубой с желтым²⁸. Керосиновый фонарь у входа. Вечер. За окнами изредка стук лошадиных копыт. Тихо наигрывает гармоника знакомые мотивы.

Т е л е ф о н и с т *(по телефону)*. Це я, Франько²⁹, вновь включився в цепь... В цепь, кажу!..

²⁸ Пустое, мрачное помещение. Надпись: «Штаб 1-й кинной дивизии». Штандарт голубой с желтым. – В первой редакции картина начинается иначе, она показана как сон Алексея Турбина. Причем сон кошмарный. Сцену затягивает туман. Халат на стене внезапно раскрывается, и из него выходит *Кошмар*. Он начинает глумиться над Алексеем, пересказывая ему все, что говорилось в квартире Турбиных: «Голым профилем на ежа не сядешь. Святая Русь страна деревянная... <...> *(Душит Алексея.)* Я к вам, Алексей Васильевич, с поклоном от Федора Михайловича Достоевского. Я бы его, ха, ха... повесил бы... Игривы Брейтмана остроты, а где же сенегальцев роты. Скажу вам по секрету, уважаемый Алексей Васильевич, не будет никаких сенегальцев... <...> А союзники – сволочь...» Затем Кошмар предсказывает Алексею «очень нехорошие вещи», предлагает снять погоны. Когда же Алексей во сне из последних сил кричит, что не верит ему, что он миф, – взъяренный Кошмар свистит пронзительно и говорит: «Ах, все-таки миф? Ну, я вам сейчас покажу, какой это миф».

И затем стены Турбинской квартиры исчезают. Из-под полу выходит какая-то бочка, ларь и стол. И выступает из мрака пустое помещение... Кошмар проваливается, исчезает Алексей... И на сцене появляются петлюровцы...

²⁹ Це я, Франько... – Во второй редакции этому предшествует:

«Голос *(за окном кричит отчаянно)*. Що вы, Панове! За що? За що? *(Визг.)*

Слухаете?... Це штаб кинной дивизии.

Телефон поет сигналы. Шум за сценой. У р а г а н и К и р п а т ы й вводят дезертира-сечевику. Лицо у него окровавленное.

Б о л б о т у н. Що такое?
У р а г а н. Дезертира поймали, пан полковник.
Б о л б о т у н. Якого полку?

Молчание.

Якого полку, я тебя спрашиваю?

Молчание.

Т е л е ф о н и с т. Та це ж я! Я из штабу, Франько, включився в цепь! Це штаб кинной дивизии!.. Слухаете?... Тьфу ты, черт!..

Б о л б о т у н. Що ж ты, бога душу твою мать! А? Що ж ты... У то время, як всякий честный казак вийшов на защиту Украиньской республики вид белогвардейцев та жидив-коммунистив, у то время, як всякий хлибороб встал в ряды украиньской армии, ты ховаешься в кусты? А ты знаешь, що роблють з нашими хлиборобами гетманьские офицеры, а там комиссары? Живых у землю зарывают! Чув? Так я ж тебе самого закопаю у могилу! Самого! Сотника Галаньбу!

Голос за сценой: «Сотника требуют к полковнику!»
Суета.

Де ж вы его взяли?..
К и р п а т ы й. По-за штабелями, сукин сын, бежав, ховався!..
Б о л б о т у н. Ах ты зараза, зараза!

Входит Г а л а н ь б а, холоден, черен, с черным штыком.

Допросить, пан сотник, дезертира... Франько, диспозицию! Не ковырай аппарат!
Т е л е ф о н и с т. Зараз, пан полковник, зараз! Що з ним зробишь? «Не ковырай...»
Г а л а н ь б а (с холодным лицом). Якого полку?

Молчание.

Якого полку?

Д е з е р т и р (плача). Я не дезертир. Змилуйтеся, пан сотник! Я до лазарету пробывався. У меня ноги поморожены зовсим.

Т е л е ф о н и с т (по телефону). Де ж диспозиция? Прохаю ласково. Командир кинной дивизии прохае диспозицию... Вы слухаете?... Что ты будешь робить з этим аппаратом!

Г а л а н ь б а. Ноги поморожены? А чому же це ты не взяв посвидченья вид штабу своего полка? А? Якого полку? (Замахивается.)

Слышно, как лошади идут по бревенчатому мосту.

Д е з е р т и р. Второго сечевого.

Г а л а н ь б а. Знаем вас, сечевикув. Все зрадники. Изменники. Большевики. Скидай сапоги, скидай. И если ты не поморозив ноги, а брешешь, то я тебя тут же расстреляю. Хлопцы! Фо-

Г а л а н ь б а (за сценой). Я тебя, жидовская морда... Я тебе... (Визг, выстрел.)».

нарь!

Т е л е ф о н и с т (*по телефону*). Пришлите нам ординарца для согласования... В Слободку!.. Так!.. Так!.. Слушаю!.. Грицько! Хай ординарец захватит диспозицию для нашего штабу. Добре?.. Пан полковник, диспозиция зараз буде...

Б о л б о т у н. Добре...

Г а л а н ь б а (*вынув маузер*). И вот тебе условие: ноги здоровые – будешь ты у меня на том свете. Отойдите сзади, чтобы я в кого-нибудь не попал.

Дезертир садится на пол, разувается. Молчание.

Б о л б о т у н. Це правильно. Щоб другим був пример.

Фонарем освещают дезертира.

К и р п а т ы й (*со вздохом*). Поморожены... Правду казав.

Г а л а н ь б а. Записку треба було узять. Записку, мразь! А не бежать из полка...

Д е з е р т и р. Нема у кого записку взять. У нас ликаря в полку нема. Никого нема. (*Плачет.*)

Г а л а н ь б а. Взять его под арест! И под арестом до лазарету! Як ему ликарь ногу перевяжет, вернуть его сюды в штаб и дать ему пятнадцать шомполив, щоб вин знав, як без документов бегать с своего полку.

У р а г а н (*выводя*). Иди, иди!

За сценой гармоника. Голос поет уныло: «Ой, яблочко, куда котишься, к гайдамакам попадешь – не воротишься...» Тревожные голоса за окном: «Держи их! Держи их! Мимо мосту... Побиглы по льду...»

Г а л а н ь б а (*в окно*). Хлопцы, що там? Що?

Голос: «Якись жида, пан сотник, мимо мосту по льду дали ходу из Слободки³⁰».

³⁰ ... «Якись жида, пан сотник, мимо мосту по льду дали ходу из Слободки». – Одна из важнейших сцен с пытками и убийством еврея, которой автор придавал большое значение и которую отчаянно отстаивал перед театром и цензурой, все-таки в последний момент была выброшена из пьесы. Мы приводим эту сцену по первой редакции:

«Г а л а н ь б а. Аа... Добро пожаловать.

Г а й д а м а к. Двоих, пан сотник, подстрелили, а этого удалось взять живьем, согласно приказа.

Е в р е й. Пан сотник!

Г а л а н ь б а. Ты не кричи. Не кричи.

Е в р е й. Пан старшина! Що вы хотите зробыть со мною?

Г а л а н ь б а. Що треба, то и зробым. (*Пауза.*) Ты чего шел по льду?

Е в р е й. Що б мне лопнули глаза, що б я не побачив бильше солнца, я шел повидать детей в городу. Пан сотник, в мене дити малы в городу.

Б о л б о т у н. Через мост треба ходить до детей! Через мост!

Е в р е й. Пан генерал! Ясновельможный пан! На мосту варта, ваши хлопцы. Они гарны хлопцы, тильки жидов не любят. Боны меня уже били утром и через мост не пустили.

Б о л б о т у н. Ну, видно, мало тебя били.

Е в р е й. Пан полковник шутит. Веселый пан полковник, дай ему Бог здоровья.

Б о л т у н. Я? Я – веселый. Ты нас не бойся. Мы жидов любимо, любимо.

Слабо слышна гармоника.

Ты перекрестись, перекрестись.

Е в р е й (*крестится*). Я перекрещусь с удовольствием. (*Крестится.*)

Смех.

Г а й д а м а к. Испугался жид.

Б о л б о т у н. А ну кричи: „Хай живе вильна Украина!“

Е в р е й. Хай живе вильна Украина!

Хохот.

Г а л а н ь б а. Ты патриот Украины?

Молчание. Галаньба внезапно ударяет еврея шомполом.

Обыщите его, хлопцы.

Е в р е й. Пане...

Хлопцы! Разведка! По коням! По коням! Садись! Садись! Кирпачный! А ну, проскачить за ними! Тильки живыми вызьмить! Живыми!

Б о л б о т у н. Франько, держи связь!

Т е л е ф о н и с т. Держу, пан полковник, во как держу!

Топот за сценой. Появляется У р а г а н, вводит ч е л о в е к а с к о р з и н о й.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Миленькие, я ж ничего. Что вы!.. Я ремесленник...

Г а л а н ь б а. С чем задержали?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Помилуйте, товарищ военный...

Г а л а н ь б а. Що? Товарищ? Кто ж тут тебе товарищ?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Виноват, господин военный.

Г а л а н ь б а. Я тебе не господин. Господа все с гетманом в городе сейчас. И мы твоим господам кишки по-выматываем. Хлопец, дай ему, тебе ближе. Урежь этому господину по шее. Теперь бачишь, яки господа тут? Видишь?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Вижу.

Г а л а н ь б а. Осветить его, хлопцы! Мени щесь здається, що вин комуніст.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Что вы! Что вы, помилуйте! Я, изволите ли видеть, сапожник.

Б о л б о т у н. Що-то ты дуже гарно розмовляєш на московській мові.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Калущіє мы, ваше здоровье. Калужской губернии. Да уж и жизни не рады, что сюда, на Украину к вам, заехали. Сапожник я.

Г а л а н ь б а. Документ.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Паспорт? Сию минуту. Паспорт у меня чистый, можно сказать.

Г а л а н ь б а. С чем корзина? Куда шел?

Г а л а н ь б а. Зачем шел в город?

Е в р е й. Клянусь, к детям.

Г а л а н ь б а. Ты знаешь, кто ты? Ты шпион!

Б о л б о т у н. Правильно.

Е в р е й. Клянусь – нет!

Г а л а н ь б а. Сознаться, что робыл у нас в тылу?

Е в р е й. Ничего. Ничего, пане сотник, я портной, здесь в слободке живу, в мене здесь старуха мать...

Б о л б о т у н. Здесь у него мать, в городе дети. Весь земной шар занял.

Г а л а н ь б а. Ну, я вижу, с тобой не сговоришь. Хлопец, открой фонарь, подержите его за руки. *(Жжет лицо.)*

Е в р е й. Пане... Пане... Бойтесь Бога... Що вы робите? Я не могу больше! Не могу! Пощадите!

Г а л а н ь б а. Сознаешься, сволочь?

Е в р е й. Сознаюсь.

Г а л а н ь б а. Шпион?

Е в р е й. Да. Да. *(Пауза.)* Нет. Нет. Не признаюсь. Я ни в чем не признаюсь. Це я от боли. Панове, у меня дети, жена... Я портной. Пустите! Пустите!

Г а л а н ь б а. Ах, тебе мало? Хлопцы, руку, руку ему держите.

Е в р е й. Убейте меня лучше. Сознаюсь. Убейте!

Г а л а н ь б а. Що робыл в тылу?

Е в р е й. Хлопчик родненький, миленький, отставь фонарь. Я все скажу. Шпион я. Да. Да. О, мой Бог!

Г а л а н ь б а. Коммунист?

Е в р е й. Коммунист.

Б о л б о т у н. Жида не коммуниста не бывае на свете. Як жид – коммунист.

Е в р е й. Нет! Нет! Что мне сказать, пане? Що мне сказать? Тильки не мучьте. Не мучьте. Злодеи! Злодеи! Злодеи! *(В исступлении вырывается, бросается в окно.)* Я не шпион!

Г а л а н ь б а. Тримай его, хлопцы! Держи!

Г а й д а м а к и. В прорубь выскочит.

Галаньба стреляет еврею в спину.

Е в р е й *(падая.)* Будьте вы про...

Б о л б о т у н. Эх, жаль. Эх, жаль.

Г а л а н ь б а. Держать нужно было.

Г а й д а м а к. Легкою смертью помер, собака.

Грабят тело».

После отъезда петлюровцев внезапно появляется Кошмар и спрашивает Алексея: «Видал?» Алексей в исступлении кричит: «Помогите! Помогите!» – и просыпается.

Человекскорзиной. Сапоги в корзине, ваше... бла... ва... сапожки... с... Мы на магазин работаем. Сами в Слободке живем, а сапоги в город носим.

Галаньба. Почему ночью?

Человекскорзиной. Как раз в самый раз, к утру в городе.

Болботун. Сапоги... Ого-го... це гарно!

Ураган вскрывает корзину.

Человекскорзиной. Виноват, уважаемый гражданин, они не наши, из хозяйского товару.

Болботун. Из хозяйского! Це наикраще. Хозяйский товар – хороший товар. Хлопцы, берите по паре хозяйского товару.

Разбирают сапоги.

Человекскорзиной. Гражданин военный министр! Мне без этих сапог погибать. Прямо форменно в гроб ложиться! Тут на две тысячи рублей... Это хозяйское...

Болботун. Мы тебе расписку дадим.

Человекскорзиной. Помилуйте, что ж мне расписка? *(Бросается к Болботуну, тот дает ему в ухо. Бросается к Галаньбе.)* Господин кавалерист! На две тысячи рублей. Главное, что если б я буржуй был бы или, скажем, большевик...

Галаньба дает ему в ухо.

(Садится на землю, растерянно.) Что ж это такое делается? А впрочем, берите! Это значит – на снабжение армии?.. Только уж позвольте и мне парочку за компанию. *(Начинает снимать сапоги.)*

Телефонист. Дивись, пан полковник, что вин робит?

Болботун. Ты що ж, смеешься, гнида? Отойди от корзины. Долго ты будешь крутиться под ногами? Долго? Ну, терпение мое лопнуло. Хлопцы, расступитесь. *(Берется за револьвер.)*

Человекскорзиной. Что вы! Что вы! Что вы!..

Болботун. Геть отсюда!

Человекскорзиной бросается к двери.

Все. Покорно благодарим, пан полковник!

Телефонист *(по телефону)*. Слухаю!.. Слухаю!.. Слава! Слава! Пан полковник! Пан полковник! В штаб пришли ходоки от двух гетьманских сердюкских полкив. Батько веде с ними переговоры о переходе на нашу сторону.

Болботун. Слава! Як ти полки будут з нами, то Киев наш.

Телефонист *(по телефону)*. Грицько! А у нас сапоги новые!.. Так... так... Слухаю, слушаю... Слава! Слава, пан полковник, пожалуйте швидче до аппарату.

Болботун *(по телефону)*. Командир першей кинной дивизии полковник Болботун... Я вас слушаю... Так... Так... Выезжаю зараз. *(Галаньбе.)* Пан сотник, прикажите швидче, вси четыре полка на конь! Подступы к городу взяли! Слава! Слава!

Ураган, Кирпатый. Слава! Наступление!

Суета.

Галаньба *(в окно)*. Садись! Садись! По коням!

За окном гул: «Ура!» Галаньба убегает.

Болботун. Снимай аппарат! Коня мне!

Телефонист снимает аппарат. Суета.

У р а г а н. Коня командиру!
Г о л о с а. Перший курень, рысью марш!
– Другой курень, рысью марш!..

За окном топот, свист. Все выбегают со сцены. Потом гармоника гремит, пролетая...

Занавес

Действие третье

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вестибюль Александровской гимназии. Ружья в козлах. Ящики, пулеметы. Гигантская лестница. Портрет Александра I наверху. В стеклах рассвет. За сценой грохот: дивизион с музыкой проходит по коридорам гимназии.

Н и к о л к а (*за сценой запекает на нелепый мотив солдатской песни*).

*Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных дум и трепета полна*

Свист.

Ю н к е р а (*оглушительно поют*).

*Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна.*

Свист.

Н и к о л к а (*поет*).

Наш уголок я убрала цветами...

С т у д з и н с к и й (*на площадке лестницы*). Дивизион, стой!

Дивизион за сценой останавливается с грохотом.

Отставить! Капитан!

М ы ш л а е в с к и й. Первая батарея! На месте! Шагом марш!

Дивизион марширует за сценой.

С т у д з и н с к и й. Ножку! Ножку!

М ы ш л а е в с к и й. Ать! Ать! Ать! Первая батарея, стой!

П е р в ы й о ф и ц е р. Вторая батарея, стой!

Дивизион останавливается.

М ы ш л а е в с к и й. Батарея, можете курить! Вольно!

За сценой гул и говор.

Первый офицер (*Мышлаевскому*). У меня, господин капитан, пятерых во взводе не хватает. По-видимому, ходу дали. Студентики!

Второй офицер. Вообще чепуха свинячья. Ничего не разберешь.

Первый офицер. Что ж командир не едет? В шесть назначено выходить, а сейчас без четверти семь.

Мышлавский. Тише, поручик, во дворец по телефону вызвали. Сейчас приедет. (*Юнкерам.*) Что, озябли?

Первый юнкер. Так точно, господин капитан, прохладно.

Мышлавский. Отчего ж вы стоите на месте? Синий, как покойник. Потопчитесь, разомнитесь. После команды «вольно» вы не монумент. Каждый сам себе печка. Пободрей! Эй, второй взвод, в классы парты ломать, печи топить! Живо!

Юнкера (*кричат*). Братцы, вали в класс!

– Парты ломать, печки топить!

Шум, суета.

Максим (*появляется из каморки, в ужасе*). Ваше превосходительство, что ж это вы делаете такое? Партами печи топить?! Что ж это за поношение! Мне господином директором велено...

Первый офицер. Явление четырнадцатое...

Мышлавский. А чем же, старик, печи топить?

Максим. Дровами, батюшка, дровами.

Мышлавский. А где у тебя дрова?

Максим. У нас дров нету.

Мышлавский. Ну, катись отсюда, старик, колбасой к чертовой матери! Эй, второй взвод, какого черта?..

Максим. Господи Боже мой, угодники-святители! Что же это делается! Татары, чистые татары. Много войска было... (*Уходит. Кричит за сценой.*) Господа военные, что же это вы делаете!

Юнкера (*ломают парты, пилят их, топят печь. Поют*).

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
Что, как зверь, она завоет,
Что заплачет, как дитя...*

Максим. Эх, кто же так печи растопляет?

Юнкера (*поют*).

Ах вы, сашки-қанашки мои!..

(*Печально.*)

Помилуй нас, Боже, в последний раз...

Внезапный близкий разрыв. Пауза. Суета.

Первый офицер. Снаряд.

Мышлавский. Разрыв где-то близко.

Первый юнкер. Это по нас, господин капитан, пожалуй.

Мышлавский. Вздор! Петлюра плюнул.

Песня замирает.

Первый офицер. Я думаю, господин капитан, что придется сегодня с Петлюрой пови-

даться. Интересно, какой он из себя?

В т о р о й о ф и ц е р (*мрачен*). Узнаешь, не спеши.

М ы ш л а е в с к и й. Наше дело маленькое. Прикажут – повидаем. (*Юнкерам.*) Юнкера, какого ж вы... Чего скисли? Веселей!

Ю н к е р а (*поют*).

*И когда по белой лестнице
Поведут нас в синий край³¹...*

В т о р о й ю н к е р (*подлетает к Студзинскому*). Командир дивизиона!

С т у д з и н с к и й. Становись! Дивизион, смирно! Равнение на середину! Господа офицеры! Господа офицеры!

М ы ш л а е в с к и й. Первая батарея, смирно!

Входит А л е к с е й.

А л е к с е й (*Студзинскому*). Список! Скольких нету?

С т у д з и н с к и й (*тихо*). Двадцати двух человек.

А л е к с е й (*рвет список*). Наша застава на Демиевке?

С т у д з и н с к и й. Так точно!

А л е к с е й. Вернуть!

С т у д з и н с к и й (*второму юнкеру*). Вернуть заставу!

В т о р о й ю н к е р. Слушаю. (*Убегает.*)

А л е к с е й. Приказываю господам офицерам и дивизиону внимательно слушать то, что я им объявлю. Слушать, запоминать. Запомнив, исполнять.

Тишина.

За ночь в нашем положении, в положении всей русской армии, я бы сказал, в государственном положении Украины произошли резкие и внезапные изменения... Поэтому я объявляю вам, что наш дивизион я распускаю.

Мертвая тишина.

Борьба с Петлюрой закончена. Приказываю всем, в том числе и офицерам, немедленно снять с себя погоны, все знаки отличия и немедленно же бежать и скрыться по домам.

Пауза.

Я кончил. Исполнять приказание!

С т у д з и н с к и й. Господин полковник! Алексей Васильевич!

П е р в ы й о ф и ц е р. Господин полковник! Алексей Васильевич!

В т о р о й о ф и ц е р. Что это значит?

А л е к с е й. Молчать! Не рассуждать! Исполнять приказание! Живо!

Т р е т и й о ф и ц е р. Что это значит, господин полковник? Арестовать его!

Шум.

Юнкера. Арестовать!

³¹ *И когда по белой лестнице Поведут нас в синий край...* – По поводу этой песни и всего эпизода Булгаков высказался (запись П. С. Попова) так: «Слова Турбина перед тем, как подняться на лестницу: „И когда по белой лестнице поведут нас в светлый край... Серьезно и весьма. Весьма серьезно. Застава бы не засыпалась...”»

Первые слова взяты из пошлой песенки Вертинского, которая пелась юнкерами. Мне важно было, чтобы юнкера пели совершенно неподходящие вещи...» (ОР РГБ, ф. 218, №1269, ед. хр. 6, л. 2, 6).

– Мы ничего не понимаем!..
– Как – арестовать?! Что ты, взбесился?!
– Петлюра ворвался!..
– Вот так штука! Я так и знал!..
– Тише!..
Первый офицер. Что это значит, господин полковник?
Третий офицер. Эй, первый взвод, за мной!

Вбегают растерянные юнкера с винтовками.
Николка. Что вы, господа, что вы делаете?
Второй офицер. Арестовать его! Он передался Петлюре!
Третий офицер. Господин полковник, вы арестованы!
Мышляевский (*удерживая третьего офицера*). Постойте, поручик!
Третий офицер. Пустите меня, господин капитан, руки прочь! Юнкера, взять его!
Мышляевский. Юнкера, назад!
Студзинский. Алексей Васильевич, посмотрите, что делается.
Николка. Назад!
Студзинский. Назад, вам говорят! Не слушать младших офицеров!
Первый офицер. Господа, что это?
Второй офицер. Господа!

Суматоха. В руках у офицеров револьверы.

Третий офицер. Не слушать старших офицеров!
Первый юнкер. В дивизионе бунт!
Первый офицер. Что вы делаете?
Студзинский. Молчать! Смирно!
Третий офицер. Взять его!
Алексей. Молчать! Я буду еще говорить!
Юнкера. Не о чем разговаривать!
– Не хотим слушать!
– Не хотим слушать!
– Равняйтесь по командиру второй батареи!
Николка. Дайте ему сказать.
Третий офицер. Тише, юнкера, успокойтесь! Дайте ему высказаться, мы его не выпустим отсюда!
Мышляевский. Уберите своих юнкеров назад сию секунду.
Первый офицер. Смирно! На месте!
Юнкера. Смирно! Смирно! Смирно!
Алексей. Да... Очень я был бы хорош, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал Господь Бог в вашем лице. Но, господа, то, что простительно юноше-добровольцу, непροстително (*третьему офицеру*) вам, господин поручик! Я думал, что каждый из вас поймет, что случилось несчастье, что у командира вашего язык не поворачивается сообщить позорные вещи. Но вы недогадливы. Кого вы желаете защищать? Ответьте мне.

Молчание.

Отвечать, когда спрашивает командир! Кого?
Третий офицер. Гетмана обещали защищать.
Алексей. Гетмана? Отлично! Сегодня в три часа утра гетман, бросив на произвол судьбы армию, бежал, переодевшись германским офицером, в германском поезде, в Германию. Так что в то время как поручик собирается защищать гетмана, его давно уже нет. Он благополучно следует в Берлин.
Юнкера. В Берлин?
– О чем он говорит?!

– Не хотим слушать!

П е р в ы й ю н к е р. Господа, да что вы его слушаете?

С т у д з и н с к и й. Молчать!

Гул. В окнах рассвет.

А л е к с е й. Но этого мало. Одновременно с этой канальей бежала по тому же направлению другая каналья – его сиятельство командующий армией князь Белоруков. Так что, друзья мои, не только некого защищать, но даже и командовать нами некому, ибо штаб князя дал ходу вместе с ним.

Гул.

Ю н к е р а. Быть не может!

– Быть не может этого!

– Это ложь!

А л е к с е й. Кто сказал – ложь? Кто сказал – ложь? Я сейчас был в штабе. Я проверил все сведения. Я отвечаю за каждое мое слово!.. Итак, господа! Вот мы, нас двести человек. А там – Петлюра. Да что я говорю – не там, а здесь! Друзья мои, его конница на окраинах города! У него двухсоттысячная армия, а у нас – на месте мы, две-три пехотные дружины и три батареи. Понятно? Тут один из вас вынул револьвер по моему адресу. Он меня безумно напугал. Мальчишка!

Т р е т ь и й о ф и ц е р. Господин полковник.

А л е к с е й. Молчать! Так вот-с. Если бы вы все сейчас, вот при этих условиях вынесли бы постановление защищать... что? кого?.. одним словом, идти в бой, – я вас не поведу, потому что в балагане я не участвую, тем более что за этот балаган заплатите своей кровью и совершенно бессмысленно – все вы!

Н и к о л к а. Штабная сволочь!

Гул и рев.

Ю н к е р а. Что нам делать теперь?

– В гроб ложиться!

– Позор!..

– Поди ты к черту!.. Что ты, на митинге?

– Стоять смирно!

– В капкан загнали.

Т р е т ь и й ю н к е р (*вбегают с плачем*). Кричали: вперед, вперед, а теперь – назад. Найду гетмана – убью!

П е р в ы й о ф и ц е р. Убрать эту бабу к черту! Юнкера, слушайте: если верно, что говорит этот полковник, – равняться на меня! Достанем эшелоны – и на Дон, к Деникину!

Ю н к е р а. На Дон! К Деникину!..

– Легкое дело... что ты несешь!

– На Дон – невозможно!..

С т у д з и н с к и й. Алексей Васильевич, верно, надо все бросить и вывезти дивизион на Дон.

А л е к с е й. Капитан Студзинский! Не смей! Я командую дивизионом! Я буду приказывать, а вы – исполнять! На Дон? Слушайте, вы! Там, на Дону, вы встретите то же самое, если только на Дон проберетесь. Вы встретите тех же генералов и ту же штабную ораву.

Н и к о л к а. Таковую же штабную сволочь!

А л е к с е й. Совершенно правильно. Они вас заставят драться с собственным народом. А когда он вам расколется головы, они убегут за границу... Я знаю, что в Ростове то же самое, что и в Киеве. Там дивизионы без снарядов, там юнкера без сапог, а офицеры сидят в кофейнях. Слушайте меня, друзья мои! Мне, боевому офицеру, поручили вас толкнуть в драку. Было бы за что! Но не за что. Я публично заявляю, что я вас не поведу и не пущу! Я вам говорю: белому движе-

нию на Украине конец. Ему конец в Ростове-на-Дону, всюду! Народ не с нами. Он против нас³². Значит, кончено! Гроб! Крышка! И вот я, кадровый офицер Алексей Турбин, вынесший войну с германцами, чему свидетелями капитаны Студзинский и Мышлаевский, я на свою совесть и ответственность принимаю все, все принимаю, предупреждаю и, любя вас, посылаю домой. Я кончил.

Рев голосов. Внезапный разрыв.

Срывают погоны, бросайте винтовки и немедленно по домам!

Юнкера срывают погоны, бросают винтовки.

Мышлаевский (*кричит*). Тише! Господин полковник, разрешите зажечь здание гимназии?

Алексей. Не разрешаю.

Пушечный удар. Дрогнули стекла.

Мышлаевский. Пулемет!

Студзинский. Юнкера, домой!

Мышлаевский. Юнкера, бей отбой, по домам!

Труба за сценой. Юнкера и офицеры разбегаются. Николка ударяет винтовкой в ящик с выключателями и убегает. Гаснет свет. Алексей у печки рвет бумаги, сжигает их. Долгая пауза. Входит Максим.

Алексей. Ты кто такой?

Максим. Я сторож здешний.

Алексей. Пошел отсюда вон, убьют тебя здесь.

Максим. Ваше высокоблагородие, куда ж это я отойду? Мне отходить нечего от казенного имущества. В двух классах парты поломали, такого убытку наделали, что я и выразить не могу. А свет... Много войска бывало, а такого – извините...

Алексей. Старик, уйди ты от меня.

Максим. Меня теперь хоть саблех рубите, а я не уйду. Мне что было сказано господином директором...

Алексей. Ну, что тебе сказано господином директором?

Максим. Максим, ты один останешься... Максим, гляди... А вы что же...

Алексей. Ты, старичок, русский язык понимаешь? Убьют тебя. Уйди куда-нибудь в подвал, скройся там, чтоб духу твоего не было.

Максим. Кто отвечать-то будет? Максим за все отвечай. Всякие – за царя и против царя были, солдаты оголтелые, но чтоб парты ломать...

Алексей. Куда списки девались? (*Разбивает шкаф ногой.*)

Максим. Ваше высокопревосходительство, ведь у него ключ есть. Гимназический шкаф, а вы – ножкой. (*Отходит, крестится.*)

Пушечный удар.

Царица Небесная... Владычица... Господи Иисусе...

³²...на Дону, вы встретите то же самое... тех же генералов и ту же штабную ораву... Они вас заставят драться с собственным народом... белому движению... конец... Народ не с нами. Он против нас. – Ни в первой редакции пьесы, ни во второй этого текста нет, он присутствует только в третьей редакции. Конечно, это было сделано Булгаковым только во имя спасения пьесы. Но именно этот текст и некоторые другие вставки позволили Сталину заявить, что пьеса «Дни Турбиных» дает «больше пользы, чем вреда...» и что она «есть демонстрация всепокрушающей силы большевизма». И добавить: «Конечно, автор ни в какой мере „не повинен“ в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело?» (*Сталин И. В. Соч. М., 1946. Т. 11. С. 326-329*).

А л е к с е й. Так его! Даешь! Даешь! Концерт! Музыка! Ну, попадешься ты мне когда-нибудь, пан гетман! Гадина!

М ы ш л а е в с к и й появляется наверху. В окна пробивается легонькое зарево.

М а к с и м. Ваше превосходительство, хоть вы ему прикажите. Что ж это такое? Шкаф ногой взломал!

М ы ш л а е в с к и й. Старик, не путайся под ногами. Пошел вон.

М а к с и м. Татары, прямо татары... *(Исчезает.)*

М ы ш л а е в с к и й *(издали)*. Алеша! Зажег я цейхгауз! Будет Петлюра шиш иметь вместо шинелей!

А л е к с е й. Ты, Бога ради, не задерживайся. Беги домой.

М ы ш л а е в с к и й. Дело маленькое. Сейчас вкачу еще две бомбы в сено – и ходу. Ты-то чего сидишь?

А л е к с е й. Пока застава не прибежит, не могу.

М ы ш л а е в с к и й. Алеша, надо ли? А?

А л е к с е й. Ну что ты говоришь, капитан!

М ы ш л а е в с к и й. Я тогда с тобой останусь.

А л е к с е й. На что ты мне нужен, Виктор? Я приказываю: к Елене сейчас же! Карауль ее! Я следом за вами. Да что вы, взбесились все, что ли? Будете ли вы слушать или нет?

М ы ш л а е в с к и й. Ладно, Алеша. Бегу к Ленке!

А л е к с е й. Николка, погляди, ушел ли. Гони его шею, ради Бога.

М ы ш л а е в с к и й. Ладно! Алеша, смотри не рискуй!

А л е к с е й. Учи ученого!

М ы ш л а е в с к и й исчезает.

Серьезно. «Серьезно и весьма»... И когда по белой лестнице... поведут нас в синий край... Застава бы не засыпалась...

Н и к о л к а *(появляется наверху, крадетя)*. Алеша!

А л е к с е й. Ты что же, шутки со мной вздумал шутить, что ли?! Сию минуту домой, снять погоны! Вон!

Н и к о л к а. Я без тебя, полковник, не пойду.

А л е к с е й. Что?! *(Вынул револьвер.)*

Н и к о л к а. Стреляй, стреляй в родного брата!

А л е к с е й. Болван!

Н и к о л а й. Ругай, ругай родного брата. Я знаю, чего ты сидишь! Знаю, ты командир, смерти от позора ждешь, вот что! Ну, так я тебя буду караулить. Ленка меня убьет.

А л е к с е й. Эй, кто-нибудь! Взять юнкера Турбина! Капитан Мышлаевский!

Н и к о л к а. Все уже ушли!

А л е к с е й. Ну погоди, мерзавец, я с тобой дома поговорю!

Шум и топот. Вбегают ю н к е р а, бывшие в заставе.

Ю н к е р а *(пробегая)*. Конница Петлюры следом!..

А л е к с е й. Юнкера! Слушать команду! Подвальным ходом на Подол! Я вас прикрою. Срывайте погоны по дороге!

За сценой приближающийся лихой свист, глухо звучит гармоника: «И шумит, и гудит...»

Бегите, бегите! Я вас прикрою! *(Бросается к окну наверху.)* Беги, я тебя умоляю. Ленку пожалей!

Близкий разрыв снаряда. Стекла лопнули. Алексей падает.

Н и к о л к а. Господин полковник! Алешка! Алешка, что ты наделал?!
А л е к с е й. Унтер-офицер Турбин, брось геройство к чертям! *(Смолкает.)*
Н и к о л к а. Господин полковник... этого быть не может! Алеша, поднимись!

Топот и гул. Вбегают гайдамаки.

У р а г а н. Тю! Бач! Бач! Тримай его, хлопцы! Трпмай!

Кирпатый стреляет в Николку.

Г а л а н ь б а *(вбегая)*. Живьем! Живьем возмечь его, хлопцы!

Николка отползает вверх по лестнице, оскалился.

К и р п а т ы й. Ишь, волчонок! Ах сукино отродье!
У р а г а н. Не уйдешь! Не уйдешь!

Появляются г а й д а м а к и.

Н и к о л к а. Висельники, не дамся! Не дамся, бандиты! *(Бросается с перил и исчезает.)*
К и р п а т ы й. Ах циркач! *(Стреляет.)* Нема больше никого.
Г а л а н ь б а. Что ж вы выпустили его, хлопцы? Эх, шляпа!..

Гармоника: «И шумит, и гудит...» За сценой крик: «Слава, слава!» Трубы за сценой. Б о л б о т у н, за ним – г а й д а м а к и со штандартами. Знамена плывут вверх по лестнице. Оглушительный марш.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Турбиных. Рассвет. Электричества нет. Горит свеча на ломберном столе.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна, дорогая! Располагайте мной, как вам угодно! Хотите, я оденусь и отправлюсь их искать?

Е л е н а. Ах, нет, нет! Что вы, Лариосик! Вас убьют на улице. Будем ждать. Боже мой, еще зарево. Какой ужасный рассвет! Что там делается? Я только хотела бы одно знать: где они?

Л а р и о с и к. Боже мой, как ужасна гражданская война!

Е л е н а. Знаете что: я женщина, меня не тронут. Я пойду посмотрю, что делается на улице.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна, я вас не пущу! Да я... я вас просто не пущу!.. Что мне скажет Алексей Васильевич! Он велел ни в коем случае не выпускать вас на улицу, и я ему дал слово.

Е л е н а. Я близко...

Л а р и о с и к. Елена Васильевна!

Е л е н а. Хотя бы узнать, в чем дело...

Л а р и о с и к. Я сам пойду...

Е л е н а. Оставьте это... Будем ждать...

Л а р и о с и к. Ваш супруг очень хорошо сделал, что отбыл. Это очень мудрый поступок. Он переживет теперь в Берлине эту ужасную кутерьму и вернется.

Е л е н а. Мой супруг? Мой супруг?.. Имени моего супруга больше в доме не упоминайте. Слышите?

Л а р и о с и к. Хорошо, Елена Васильевна... Всегда я найду что сказать вовремя... Может быть, вы чаю хотите? Я бы поставил самоварчик...

Е л е н а. Нет, не надо...

Стук.

Л а р и о с и к. Пойдите, пойдите, не открывайте, надо спросить, кто там. Кто там?
Ш е р в и н с к и й. Это я! Я... Шервинский...
Е л е н а. Слава Богу! (*Открывает.*) Что это значит? Катастрофа?
Ш е р в и н с к и й. Петлюра город взял.
Л а р и о с и к. Взял? Боже, какой ужас!
Е л е н а. Где они? В бою?
Ш е р в и н с к и й. Не волнуйтесь, Елена Васильевна! Я предупредил Алексея Васильевича несколько часов тому назад. Все обстоит совершенно благополучно.
Е л е н а. Как же все благополучно? А гетман? Войска?
Ш е р в и н с к и й. Гетман сегодня ночью бежал.
Е л е н а. Бежал? Бросил армию?
Ш е р в и н с к и й. Точно так. И князь Белоруков. (*Сни мает пальто.*)
Е л е н а. Подлецы!
Ш е р в и н с к и й. Неописуемые прохвосты!
Л а р и о с и к. А почему свет не горит?
Ш е р в и н с к и й. Обстреляли станцию.
Л а р и о с и к. Ай-ай-ай...
Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна, можно у вас спрятаться? Сейчас офицеров будут искать.
Е л е н а. Ну конечно!
Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна, если бы вы знали, как я счастлив, что вы живы и здоровы.

Стук в дверь.

Ларион, спросите, кто там...

Л а р и о с и к. Кто там?

Г о л о с М ы ш л а е в с к о г о. Свои, свои...

Л а р и о с и к открывает дверь. Входят М ы ш л а е в с к и й и С т у д з и н с к и й.
Е л е н а. Слава тебе Господи! А где же Алеша и Николай?
М ы ш л а е в с к и й. Спокойно, спокойно, Лена. Сейчас придут. Не бойся ничего, улицы еще свободны. Их обоих застава проводит. А, этот уж тут? Ну, стало быть, ты все знаешь...
Е л е н а. Спасибо, все. Ну, немцы! Ну, немцы!
С т у д з и н с к и й. Ничего... ничего... когда-нибудь вспомним мы все... Ничего!
М ы ш л а е в с к и й. Здравствуй, Ларион!
Л а р и о с и к. Вот, Витенька, какие ужасные происшествия!
М ы ш л а е в с к и й. Да, происшествия первого сорта
Е л е н а. На кого вы похожи! Идите грейтесь, я сейчас самовар поставлю.
Ш е р в и н с к и й (*от камина*). Помочь вам, Лена?
Е л е н а. Не надо. Я сама. (*Убегает.*)
М ы ш л а е в с к и й. Здоровеньки булы, пане личный адъютант. Чему ж це вы без аксельбантов?... «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части»... И прослезился. За ноги вашу мамашу!
Ш е р в и н с к и й. Что означает этот балаганный тон?
М ы ш л а е в с к и й. Балаган получился, оттого и тон балаганный. Ты ж сулил и государя императора и за здоровье светлости пил. Кстати, где эта светлость теперь, в настоящее время?
Ш е р в и н с к и й. Зачем тебе?
М ы ш л а е в с к и й. А вот зачем: если бы мне попалась сейчас эта самая светлость, взял бы я ее за ноги и хлопал бы головой о мостовую до тех пор, пока не почувствовал бы полного удовлетворения. А вашу штабную ораву в уборной следует утопить!
Ш е р в и н с к и й. Господин Мышлаевский, прошу не забываться!
М ы ш л а е в с к и й. Мерзавцы!
Ш е р в и н с к и й. Что-о?
Л а р и о с и к. Зачем же ссориться?

С т у д з и н с к и й. Сию же минуту, как старший, прошу прекратить этот разговор! Совершенно нелепо и ни к чему не ведет! Чего ты, в самом деле, пристал к человеку? Поручик, успокойтесь.

Ш е р в и н с к и й. Поведение капитана Мышлаевского в последнее время нестерпимо... И главное – хамство! Я, что ль, виноват в катастрофе? Напротив, я всех вас предупредил. Если бы не я, еще вопрос, сидел бы он сейчас здесь живой или нет!

С т у д з и н с к и й. Совершенно верно, поручик. И мы вам очень признательны.

Е л е н а (входит). Что такое? В чем дело?

С т у д з и н с к и й. Елена Васильевна, вы не волнуйтесь, все будет в полном порядке. Я вам ручаюсь. Идите к себе.

Е л е н а уходит.

Виктор, извинись, ты не имеешь никакого права.

М ы ш л а е в с к и й. Ну, ладно, брось, Леонид! Я погорячился. Ведь такая обида!

Ш е р в и н с к и й. Довольно странно.

С т у д з и н с к и й. Бросьте, совсем не до этого. (Садится к огню.)

Пауза.

М ы ш л а е в с к и й. Где Алеша с Николкой, в самом деле?

С т у д з и н с к и й. Я сам беспокоюсь... Пять минут жду, а после этого пойду навстречу...

Пауза.

М ы ш л а е в с к и й. Что ж, он, значит, при тебе ходу дал?

Ш е р в и н с к и й. При мне: я был до последней минуты.

М ы ш л а е в с к и й. Замечательное зрелище! Дорого бы дал, чтобы присутствовать при этом! Что же ты не пришиб его, как собаку?

Ш е р в и н с к и й. Ты бы пошел и сам его пришиб!

М ы ш л а е в с к и й. Пришиб бы, будь спокоен. Что ж, он тебе сказал что-нибудь на прощанье?

Ш е р в и н с к и й. Что ж, сказал! Обнял, поблагодарил за верную службу...

М ы ш л а е в с к и й. И прослезился?

Ш е р в и н с к и й. Да, прослезился...

Л а р и о с и к. Прослезился? Скажите пожалуйста!..

М ы ш л а е в с к и й. Может быть, подарил что-нибудь на прощанье? Например, золотой портсигар с монограммой.

Ш е р в и н с к и й. Да, подарил портсигар.

М ы ш л а е в с к и й. Вишь, черт!.. Ты меня извини, Леонид, боюсь, что ты опять рассердишься. Человек ты, в сущности, неплохой, но есть у тебя странности...

Ш е р в и н с к и й. Что ты хочешь этим сказать?

М ы ш л а е в с к и й. Да как бы выразиться... Тебе бы писателем быть... Фантазия у тебя богатая... Прослезился... Ну а если бы я сказал: покажи портсигар!

Шервинский молча показывает портсигар.

Убил! Действительно монограмма!

Ш е р в и н с к и й. Что нужно сказать, капитан Мышлаевский?

М ы ш л а е в с к и й. Сию минуту. При вас, господа, прошу у него извинения.

Л а р и о с и к. Я в жизни не видал такой красоты! Целый фунт, вероятно, весит.

Ш е р в и н с к и й. Восемьдесят четыре золотника.

В окно стук.

Господа!..

Встают.

Мышляевский. Не люблю фокусов... Почему не через дверь?..

Шервинский. Господа... револьверы!.. лучше выбросить. *(Прячет портсигар за камин.)*

Студзинский и Мышляевский подходят к окну и, осторожно отодвинув штору, выглядывают.

Студзинский. Ах, я себе простить не могу!

Мышляевский. Что за дьявольщина!

Лариосик. Ах, Боже мой! *(Кидается известить Елену.)* Елена...

Мышляевский. Куда ты, черт?.. С ума сошел!.. Да разве можно!.. *(Зажимает ему рот.)*

Все выбегают. Пауза. Вносят Николку.

Ленку, Ленку надо убрать куда-нибудь... Боже мой! Алеша-то где же?.. Убить меня мало!.. Кладите, кладите... прямо на пол...

Студзинский. Лучше бы на диван. Ищи рану, рану ищи!

Шервинский. Голова разбита!..

Студзинский. Кровь в сапоге... Снимайте сапоги...

Шервинский. Давайте перенесем его... туда... Нельзя же на полу, в самом деле...

Студзинский. Лариосик! Живо несите подушку и одеяло. Кладите на диван.

Переносят Николку на диван.

Режь сапог!.. Режь сапог!.. У Алексея Васильевича бинты в кабинете.

Шервинский убегает.

Спирт захватите! Господи Боже мой, как он подвернулся? Что такое?.. Где Алексей Васильевич?..

Шервинский прибегает с йодом и бинтами. Студзинский бинтует голову Николки.

Лариосик. Он умирает?

Николка *(приходя в себя)*. О!

Мышляевский. С ума сойти!.. Говори одно только слово: где Алешка?

Студзинский. Где Алексей Васильевич?

Николка. Господа...

Мышляевский. Что?

Стремительно входит Елена.

Леночка, ты не волнуйся. Упал он и головой ударился. Страшного ничего нет.

Елена. Да его ранили! Что ты говоришь?

Николка. Нет, Леночка, нет...

Елена. А где Алексей? Где Алексей? *(Настойчиво.)* Ты же с ним был. Отвечай одно слово: где Алексей?

Мышляевский. Что же теперь делать-то?

Студзинский *(Мышляевскому)*. Этого не может быть! Не может!..

Е л е н а. Что же ты молчишь?
Н и к о л к а. Леночка... Сейчас...
Е л е н а. Не лги! Только не лги!

Мышлаевский делает знак Николке – «молчи».

С т у д з и н с к и й. Елена Васильевна...
Ш е р в и н с к и й. Лена, что вы...
Е л е н а. Ну, все понятно! Убили Алексея!
М ы ш л а е в с к и й. Что ты, что ты, Лена! С чего ты взяла?
Е л е н а. Ты посмотри на его лицо. Посмотри. Да что мне лицо! Я ведь знала, чувствовала, еще когда он уходил, знала, что так кончится!
С т у д з и н с к и й (*Николке*). Говорите, что с ним?
Е л е н а. Ларион! Алешу убили...
Ш е р в и н с к и й. Дайте воды...
Е л е н а. Ларион! Алешу убили! Вчера вы с ним за столом сидели – помните? А его убили...
Л а р и о с и к. Елена Васильевна, миленькая...
Ш е р в и н с к и й. Лена, Лена...
Е л е н а. А вы?! Старшие офицеры! Старшие офицеры! Все домой пришли, а командира убили?..
М ы ш л а е в с к и й. Лена, пожалей нас, что ты говоришь?! Мы все исполняли его приказание. Все!
С т у д з и н с к и й. Нет, она совершенно права! Я кругом виноват. Нельзя было его оставить! Я старший офицер, и я свою ошибку поправлю! (*Берет револьвер.*)
М ы ш л а е в с к и й. Куда? Нет, стой! Нет, стой!
С т у д з и н с к и й. Убери руки!
М ы ш л а е в с к и й. Что ж, я один останусь? Ты ни в чем ровно не виноват! Ни в чем! Я его видел последним, предупреждал и все исполнил. Лена!
С т у д з и н с к и й. Капитан Мышлаевский, сию минуту выпустите меня!
М ы ш л а е в с к и й. Отдай револьвер! Шервинский!
Ш е р в и н с к и й. Вы не имеете права! Вы что, еще хуже сделать хотите? Вы не имеете права! (*Держит Студзинского.*)
М ы ш л а е в с к и й. Лена, прикажи ему! Все из-за твоих слов. Возьми у него револьвер!
Е л е н а. Я от горя сказала. У меня помутилось в голове. Отдайте револьвер!
С т у д з и н с к и й (*истерически*). Никто не смеет меня упрекать! Никто! Никто! Все приказания полковника Турбина я исполнил!
Е л е н а. Никто!.. Никто!.. Я обезумела.
М ы ш л а е в с к и й. Николка, говори... Лена, будь мужественна. Мы его найдем... Найдем... Говори начистоту...
Н и к о л к а. Убили командира...
Е л е н а падает в обморок.

Занавес

Действие четвертое

Через два месяца. Крещенский сочельник 1919 года³³. Квартира освещена: Е л е н а и Л а р и о с и к убирают елку.

³³ *Крещенский сочельник 1919 года.* – Через несколько лет Булгаков пояснил: «События последнего действия в пьесе отношу к празднику Крещенья, то есть 19 января 19[19] года... Раздвинул сроки. Важно было использовать елку в последнем действии» (ОР РГБ, ф. 218, № 1269, ед. хр. 6, л. 1, 3).

Л а р и о с и к *(на лесенке)*. Я полагаю, что эта звезда... *(Таинственно прислушивается.)*

Е л е н а. Что вы?

Л а р и о с и к. Нет, это мне показалось... Елена Васильевна, уверяю вас, это конец. Они возьмут город.

Е л е н а. Не спешите, Лариосик, ничего еще не известно.

Л а р и о с и к. Верный признак – стрельбы нет. Откровенно вам признаюсь, Елена Васильевна, за эти последние два месяца мне страшно надоела стрельба. Я не люблю...

Е л е н а. Я разделяю ваш вкус.

Л а р и о с и к. Я полагаю, что эта звезда здесь будет очень уместна.

Е л е н а. Слезайте, Лариосик, а то я боюсь, что вы себе голову разобьете.

Л а р и о с и к. Ну что вы, Елена Васильевна!.. Елка на ять, как говорит Витенька. Хотел бы я видеть человека, который бы сказал, что елка некрасива! Ах, Елена Васильевна, если бы вы знали!.. Елка напоминает мне невозвратные дни моего детства в Житомире... Огни... Елочка зеленая... *(Пауза.)* Впрочем, здесь мне лучше, гораздо лучше, чем в детстве. Вот отсюда я никуда бы не ушел... Так бы просидел весь век под елкой у ваших ног и никуда бы не ушел...

Е л е н а. Вы бы соскучились. Вы страшный поэт, Ларион.

Л а р и о с и к. Нет, уж какой я поэт! Куда там, к чер... Ах, извините, Елена Васильевна!

Е л е н а. Прочтите, прочтите что-нибудь новенькое. Ну прочтите. Мне очень нравятся ваши стихи. Вы очень способный.

Л а р и о с и к. Вы искренно говорите?

Е л е н а. Совершенно искренно.

Л а р и о с и к. Ну хорошо... Я прочту... Я прочту... Посвящается... Ну, одним словом, посвящается... Нет, не буду я вам читать стихи.

Е л е н а. Почему?

Л а р и о с и к. Нет, зачем?..

Е л е н а. А кому посвящается?

Л а р и о с и к. Одной женщине.

Е л е н а. Секрет?

Л а р и о с и к. Секрет. Вам.

Е л е н а. Спасибо вам, милый.

Л а р и о с и к. Что мне спасибо!.. Из спасибо шинели не сошьешь... Ой, извините, Елена Васильевна, это я от Мышлаевского заразился. Вы знаете, такие выражения вырываются...

Е л е н а. Я вижу. По-моему, вы в Мышлаевского влюблены.

Л а р и о с и к. Нет. Я в вас влюблен.

Е л е н а. Не надо в меня влюбляться, Ларион, не надо.

Л а р и о с и к. Знаете что? Выйдите за меня замуж.

Е л е н а. Вы трогательный человек. Только это невозможно.

Л а р и о с и к. Он не вернется!.. А как же вы будете одна? Одна, без поддержки, без участия. Ну, правда, я поддержка довольно парши... слабая, зато я вас очень буду любить. Всю жизнь. Вы – мой идеал. Он не придет. Теперь в особенности, когда наступают большевики... Он не вернется!

Е л е н а. Он не вернется. Но не в этом дело. Если бы он даже и вернулся, все равно моя жизнь с ним кончена.

Л а р и о с и к. Его отрезали... Я не мог смотреть на вас, когда он уехал. У меня сердце кровью обливалось. Ведь на вас было страшно смотреть, ей-Богу...

Е л е н а. Разве я такая плохая была?

Л а р и о с и к. Ужас! Кошмар! Худая-прехудая... Лицо – желтое-прежелтое...

Е л е н а. Что вы выдумываете, Ларион!

Л а р и о с и к. Ой... действительно, черт-те что... Но теперь вы лучше, гораздо лучше... Вы теперь румяная-прерумяная...

Е л е н а. Вы, Лариосик, неподражаемый человек. Идите ко мне, я вас в лоб поцелую.

Л а р и о с и к. В лоб? Ну, в лоб – так в лоб!

Елена целует его в лоб.

Конечно, разве можно меня полюбить!

Е л е н а. Очень даже можно. Только у меня есть роман.

Л а р и о с и к. Что? Роман! У кого? У вас? У вас роман? Не может быть!

Е л е н а. Разве уж я не гожусь?

Л а р и о с и к. Вы – святая! Вы... А кто он? Я его знаю?

Е л е н а. И очень хорошо.

Л а р и о с и к. Очень хорошо знаю?... Стойте... Кто же? Стойте, стойте, стойте!.. Молодой человек... вы ничего не видали... Ходи с короля, а дам не трогай... А я думал, что это сон. Проклятый счастливец!

Е л е н а. Лариосик! Это нескромно!

Л а р и о с и к. Я ухожу... Я ухожу...

Е л е н а. Куда, куда?

Л а р и о с и к. Пойду к армянину за водкой и напьюсь до бесчувствия...

Е л е н а. Так я вам и позволила... Ларион, я буду вам другом.

Л а р и о с и к. Читал, читал в романах... Как «другом буду» – значит, конечно, крышка! Конец! *(Надевает пальто.)*

Е л е н а. Лариосик! Возвращайтесь скорее! Скоро гости придут!

Лариосик, открыв дверь, сталкивается в передней с входящим Ш е р в и н с к и м. Тот в мерзкой шляпе и изодранном пальто, в синих очках.

Ш е р в и н с к и й. Здравствуйте, Елена Васильевна! Здравствуйте, Ларион!

Л а р и о с и к. А... здравствуйте... здравствуйте. *(Исчезает.)*

Е л е н а. Бог мой! На кого вы похожи!

Ш е р в и н с к и й. Ну, спасибо, Елена Васильевна. Я уж попробовал! Сегодня еду на извозчике, а уже какие-то пролетарии по тротуарам так и шныряют, так и шныряют. И один говорит таким ласковым голоском: «Ишь, украинский барин! погоди, говорит, до завтра. Завтра мы вас с извозчиков поснимаем!» У меня глаз опытный. Я, как на него посмотрел, сразу понял, что надо ехать домой и переодеваться. Поздравляю вас, – Петлюре крышка!

Е л е н а. Что вы говорите?!

Ш е р в и н с к и й. Сегодня ночью красные будут. Стало быть, Советская власть и тому подобное!

Е л е н а. Чему ж вы радуетесь? Можно подумать, что вы сами большевик!

Ш е р в и н с к и й. Я сочувствующий! А пальтишко я у дворника напрокат взял. Это – беспартийное пальтишко.

Е л е н а. Сию минуту извольте снять эту гадость!

Ш е р в и н с к и й. Слушаю-с! *(Снимает пальто, шляпу, калоши, очки, остается в великолепном фракном костюме.)* Вот, поздравьте, только что с дебюта. Пел и принял.

Е л е н а. Поздравляю вас.

Ш е р в и н с к и й. Лена, никого дома нет? Как Николка?

Е л е н а. Спит...

Ш е р в и н с к и й. Лена, Лена...

Е л е н а. Пустите... Постойте, зачем же вы сбрили баки?

Ш е р в и н с к и й. Гримироваться удобнее.

Е л е н а. Большевиком вам так удобнее гримироваться. У, хитрое, малодушное создание! Не бойтесь, никто вас не тронет.

Ш е р в и н с к и й. Ну пусть попробуют тронуть человека, у которого две полные октавы в голосе да еще две ноты наверху!.. Леночка? Можно объясниться?

Е л е н а. Объяснитесь.

Ш е р в и н с к и й. Лена! Вот все кончилось. Николка выздоравливает... Петлюру выгоняют... Я дебютировал... Теперь начинается новая жизнь. Больше томиться нам невозможно. Он не придет. Его отрезали, Лена! Я не плохой, ей-Богу!.. Я не плохой. Ты посмотри на себя. Ты одна. Ты чахнешь...

Е л е н а. Ты исправишься?

Ш е р в и н с к и й. А от чего мне, Леночка, исправляться?

Е л е н а. Леонид, я стану вашей женой, если вы изменитесь. И прежде всего перестанете лгать!

Ш е р в и н с к и й. Неужели я такой лгун, Леночка?

Е л е н а. Вы не лгун, а Бог тебя знает, какой-то пустой, как орех... Что такое?! Государя императора в портъере видел. И прослезился... И ничего подобного не было. Эта длинная – меццо-сопрано, а оказывается, она – просто продавщица в кофейне Семадени...

Ш е р в и н с к и й. Леночка, она очень недолго служила, пока без ангажемента была.

Е л е н а. У нее, кажется, был ангажемент!

Ш е р в и н с к и й. Лена! Клянусь памятью покойной мамы, а также и папы – у нас ничего не было. Я ведь сирота.

Е л е н а. Мне все равно. Мне неинтересны ваши грязные тайны. Важно другое: чтобы ты перестал хвастать и лгать. Единственный раз сказал правду, когда говорил про портсигар, и то никто не поверил, доказательство пришлось предъявлять. Фу!... Срам... Срам...

Ш е р в и н с к и й. Про портсигар я именно все наврал. гетман мне его не дарил, не обнимал и не прослезился. Просто он его на столе забыл, а я его спрятал.

Е л е н а. Стащил со стола?

Ш е р в и н с к и й. Спрятал. Это историческая ценность.

Е л е н а. Боже мой, этого еще недоставало! Дайте его сюда! *(Отбирает портсигар и прячет.)*

Ш е р в и н с к и й. Леночка, папиросы там – мои.

Е л е н а. Счастлив ваш Бог, что вы догадались мне об этом сказать. А если бы я сама узнала?..

Ш е р в и н с к и й. А как бы вы узнали?

Е л е н а. Дикарь!

Ш е р в и н с к и й. Вовсе нет. Леночка, я страшно изменился. Сам себя не узнаю, честное слово! Катастрофа как меня подействовала или смерть Алеши... Я теперь иной. А материально ты не беспокойся, Ленушка, я ведь – ого-го... Сегодня на дебюте спел, а директор мне говорит: «Вы, говорит, Леонид Юрьевич, изумительные надежды подаете. Вам бы, говорит, надо ехать в Москву, в Большой театр...» Подошел ко мне, обнял меня и...

Е л е н а. И что?

Ш е р в и н с к и й. И ничего... Пошел по коридору...

Е л е н а. Неисправим!

Ш е р в и н с к и й. Лена!

Е л е н а. Что ж мы будем делать с Тальбергом?

Ш е р в и н с к и й. Развод. Развод. Ты адрес его знаешь? Телеграмму ему и письмо о том, что все кончено! Кончено!

Е л е н а. Ну хорошо! Скучно мне и одиноко. Тоскливо. Хорошо! Я согласна!

Ш е р в и н с к и й. Ты победил, Галилеянин³⁴! Лена! *(Поет.)* И будешь ты царицей ми-и-и-ра... «Соль» чистое! *(Указывает на портрет Тальберга.)* Я требую выбросить его вон! Я его видеть не могу!

Е л е н а. Ого, какой тон!

Ш е р в и н с к и й *(ласково)*. Я его, Леночка, видеть не могу. *(Выламывает портрет из рамы и бросает его в камин.)* Крыса! И совесть моя чиста и спокойна!

Е л е н а. Тебе жабо очень пойдет... Красив ты, что говорить!...

³⁴ Ты победил, Галилеянин! – Римский император Юлиан (331-363), получивший прозвище Отступника за переход из христианства в язычники, будучи смертельно раненным в битве с персами (кто и как ранил императора, осталось тайной; Сократ Схоластик в своей «Церковной истории» (М., 1996. С. 156) пишет о сверхъестественном ранении Юлиана: «...неизвестно откуда принеслась стрела и, ранив плечо, пронзила бок его. От этой раны Юлиан лишился жизни, а кто убил его, узнать не могли... Калист утверждает, что он... быв поражен демоном») и понимая свое удивительное ранение как наказание за вероотступничество, воскликнул: «Ты победил, Галилеянин!», имея в виду Христа.

Кстати, о прототипе Шервинского Булгаков высказался довольно осторожно: «Шервинский имеет определенный прототип; он менее проступает в пьесе. Вообще в пьесе меньше непосредственных черт реальных персонажей».

Ш е р в и н с к и й. Мы не пропадем...

Е л е н а. О, за тебя-то я не боюсь!.. Ты не пропадешь!

Ш е р в и н с к и й. Лена, идем к тебе... Я спою, ты проаккомпанируешь... Ведь мы два месяца не виделись. Все на людях да на людях.

Е л е н а. Да ведь придут сейчас.

Ш е р в и н с к и й. А мы тогда вернемся обратно.

Уходят, закрывают дверь. Слышен рояль. Шервинский великолепным голосом поет эпитамию из «Нерона».

Н и к о л к а (*входит, в черной шапочке, на костылях. Бледен и слаб. В студенческой тужурке*). А!.. Репетируют! (*Видит раму портрета*.) А!.. Вышибли. Понимаю... Я давно догадывался. (*Ложится на диван*.)

Л а р и о с и к (*появляется в передней*). Николаша! Встал? Один? Подожди, сейчас подушку тебе принесу. (*Приносит подушку Николке*.)

Н и к о л к а. Не беспокойся, Ларион, не нужно. Спасибо. Видно, Ларион, я так калекой и останусь.

Л а р и о с и к. Ну что ты, что ты, Николаша, как тебе не стыдно!

Н и к о л к а. Слушай, Ларион, что их-то еще нету?

Л а р и о с и к. Нет еще, но скоро будут. Ты знаешь, иду сейчас по улице – обозы, обозы, и на них эти, с хвостами. Видно, здорово поколотили их большевики.

Н и к о л к а. Так им и надо!

Л а р и о с и к. Но тем не менее я водочки достал! Единственный раз в жизни мне повезло! Думал, ни за что не достану. Такой уж я человек! Погода была великолепная, когда я выходил. Небо ясно, звезды блещут, пушки не стреляют... Все обстоит в природе благополучно. Но стоит мне показаться на улице – обязательно пойдет снег. И действительно, вышел – и мокрый снег лепит в самое лицо. Но бутылочку достал!.. Пусть знает Мышлаевский, на что я способен. Два раза упал, затылком трахнулся, но бутылку держал в руках.

Г о л о с Ш е р в и н с к о г о. «Ты любовь благословляешь...»

Н и к о л к а. Смотри, видишь?.. Потрясающая новость! Елена расходится с мужем. Она за Шервинского выйдет.

Л а р и о с и к (*роняет бутылку*). Уже?

Н и к о л к а. Э, Лариосик, э-э!.. Что ты, Ларион, что ты?.. А-а... понимаю! Тоже врезался?

Л а р и о с и к. Никол, когда речь идет о Елене Васильевне, такие слова, как «врезался», неуместны. Понял? Она золотая!

Н и к о л к а. Рыжая она, Ларион, рыжая. Прямо несчастье. Оттого всем и нравится, что рыжая. Как кто увидит, сейчас букеты начинает таскать. Так что у нас все время в квартире букеты, как веники, стояли. А Тальберг злился. Ну, ты осколки собирай, а то сейчас Мышлаевский явится, он тебя убьет.

Л а р и о с и к. Ты ему не говори. (*Собирает осколки*.)

Звонок. Лариосик впускает М ы ш л а е в с к о г о и С т у д з и н с к о г о. Оба в штатском.

М ы ш л а е в с к и й. Красные разбили Петлюру! Войска Петлюры город оставляют!

С т у д з и н с к и й. Да-да! Красные уже в Слободке. Через полчаса будут здесь.

М ы ш л а е в с к и й. Завтра, таким образом, здесь получится советская республика... Позвольте, водкой пахнет! Кто пил водку раньше времени? Сознвайтесь. Что ж это делается в этом богоспасаемом доме?! Вы водкой полы моете?! Я знаю, чья это работа! Что ты все бьешь?! Что ты все бьешь! Это в полном смысле слова золотые руки! К чему ни притронется – бац, осколки! Ну если уж у тебя такой зуд – бей сервизы!

За сценой все время рояль.

Л а р и о с и к. Какое ты имеешь право делать мне замечания! Я не желаю!

М ы ш л а е в с к и й. Что это на меня все кричат? Скоро бить начнут! Впрочем, я сегодня

добрый почему-то. Мир, Ларион, я на тебя не сержусь.

Н и к о л к а. А почему стрельбы нет?

М ы ш л а е в с к и й. Тихо, вежливо идут. И без всякого боя!

Л а р и о с и к. А главное, удивительнее всего, что все радуются, даже буржуи недорезанные. До того всем Петлюра надоел!

Н и к о л к а. Интересно, как большевики выглядят?

М ы ш л а е в с к и й. Увидишь, увидишь.

Л а р и о с и к. Капитан, ваше мнение?

С т у д з и н с к и й. Не знаю, ничего не понимаю теперь. Лучше всего нам подняться и уйти вслед за Петлюрой. Как мы, белогвардейцы, уживемся с большевиками, не представляю себе!

М ы ш л а е в с к и й. Куда за Петлюрой?

С т у д з и н с к и й. Пристроиться к какому-нибудь обозу и уйти в Галицию.

М ы ш л а е в с к и й. А потом куда?

С т у д з и н с к и й. А там на Дон, к Деникину, и биться с большевиками.

М ы ш л а е в с к и й. Опять, значит, к генералам под команду? Это очень остроумный план. Жаль, что лежит Алешка в земле, а то бы он много интересного мог рассказать про генералов. Но жаль, успокоился командир.

С т у д з и н с к и й. Не терзай мою душу, не вспоминай.

М ы ш л а е в с к и й. Нет, позвольте, его нет, позвольте, я поговорю... Опять в армию, опять биться?.. И прослезился?.. Спасибо, спасибо, я уже смеялся. В особенности когда Алешку повидал в анатомическом театре.

Николка заплакал.

Л а р и о с и к. Николаша, Николаша, что ты, погоди!

М ы ш л а е в с к и й. Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года.. За что? За отечество? А это отечество, когда бросили меня на позор?! И я опять иди к этим светлостям?! Ну нет. Видали? *(Показывает шии)* Шиш!

С т у д з и н с к и й. Изъясняйся, пожалуйста, словами.

М ы ш л а е в с к и й. Я сейчас изъяснюсь, будьте благонадежны. Что я, идиот, в самом деле? Нет, я, Виктор Мышлаевский, заявляю, что больше я с этими мерзавцами генералами дела не имею. Я кончил!

Л а р и о с и к. Виктор Мышлаевский большевиком стал.

М ы ш л а е в с к и й. Да, ежели угодно, я за большевиков!

С т у д з и н с к и й. Виктор, что ты говоришь?

М ы ш л а е в с к и й. Я за большевиков, но только против коммунистов.

С т у д з и н с к и й. Это смешно. Надо понимать, о чем ты говоришь.

Л а р и о с и к. Позволь тебе сказать, что это одно и то же: большевизм и коммунизм.

М ы ш л а е в с к и й *(передразнивая)*. «Большевизм и коммунизм». Ну, тогда и за коммунистов...

С т у д з и н с к и й. Слушай, капитан, ты упомянул слово «отечество». Какое же отечество, когда большевики³⁵? Россия кончена. Вот помнишь, командир говорил, и командир был прав: вот они, большевики!..

М ы ш л а е в с к и й. Большевики?.. Великолепно! Очень рад³⁶!

С т у д з и н с к и й. Да ведь они тебя мобилизуют.

М ы ш л а е в с к и й. И пойду, и буду служить. Да!

С т у д з и н с к и й. Почему?!

М ы ш л а е в с к и й. А вот почему! Потому! Потому что у Петлюры, вы говорили, сколько? Двести тысяч! Вот эти двести тысяч пятки салом подмазали и дуют при одном слове «боль-

³⁵ *Какое же отечество, когда большевики?* – Во второй редакции: «Какое же отечество, когда Троцкий идет? Россия кончена. Пойми, Троцкий!.. Командир был прав. Помнишь? Вот он, Троцкий».

³⁶ *Большевики?.. Великолепно! Очень рад!* – Во второй редакции: «Троцкий? Великолепная личность. Очень рад. Я бы с ним познакомился и корпусным командиром назначил бы».

шевики». Видал? Чисто! Потому что за большевиками мужички тучей³⁷... А я им всем что могу противопоставить? Рейтузы с кантом? А они этого канта видеть не могут... Сейчас же за пулеметы берутся. Не угодно ли... Спереди красногвардейцы, как стена, сзади спекулянты и всякая рвань с гетманом, а я посередине? Слуга покорный! Нет, мне надоело изображать навоз в проруби. Пусть мобилизуют! По крайней мере буду знать, что я буду служить в русской армии. Народ не с нами. Народ против нас³⁸. Алешка был прав!

С т у д з и н с к и й. Да какая же, к черту, русская армия, когда они Россию прикончили?! Да они нас все равно расстреляют!

М ы ш л а е в с к и й. И отлично сделают! Заберут в Чеку, обложат и выведут в расход. И им спокойнее, и нам...

С т у д з и н с к и й. Я с ними буду биться!

М ы ш л а е в с к и й. Пожалуйста, надевай шинель! Валяй! Дуй!.. Шпарь к большевикам, кричи им: не пушу! Николку с лестницы уже сбросили раз! Голову видал? А тебе ее и вовсе оторвут. И правильно – не лезь. Теперь пошли дела не наши³⁹!

Л а р и о с и к. Я против ужасов гражданской войны. В сущности, зачем проливать кровь?

М ы ш л а е в с к и й. Ты на войне был?

Л а р и о с и к. У меня, Витенька, белый билет. Слабые легкие. И, кроме того, я единственный сын у моей мамы.

М ы ш л а е в с к и й. Правильно, товарищ белобилетник.

С т у д з и н с к и й. Была у нас Россия – великая держава⁴⁰!..

М ы ш л а е в с к и й. И будет!.. Будет!

С т у д з и н с к и й. Да, будет, будет – ждите!

М ы ш л а е в с к и й. Прежней не будет, новая будет. Новая! А ты вот что мне скажи. Когда вас расхлопают на Дону⁴¹ – а что вас расхлопают, я вам предсказываю, – и когда ваш Деникин даст деру за границу – а я вам это тоже предсказываю, – тогда куда?

С т у д з и н с к и й. Также за границу.

М ы ш л а е в с к и й. Нужны вы там, как пушке третье колесо! Куда ни приедете, в харю наплюют от Сингапура до Парижа. Я не поеду, буду здесь в России. И будь с ней что будет!.. Ну и кончено, довольно, я закрываю собрание.

С т у д з и н с к и й. Я вижу, что я одинок.

Ш е р в и н с к и й (*вбегает*). Подождите, подождите, не закрывайте собрания. Я имею внеочередное заявление. Елена Васильевна Тальберг разводится с мужем своим, бывшим полковником генерального штаба Тальбергом, и выходит... (*Кланяется, указывая рукой на себя.*)

Входит Е л е н а.

Л а р и о с и к. А!..

М ы ш л а е в с к и й. Брось, Ларион, куда нам с суконным рылом в калашный ряд. Лена ясная, позволь, я тебя обниму и поцелую.

С т у д з и н с к и й. Поздравляю вас, Елена Васильевна

М ы ш л а е в с к и й (*идет за Лариосиком, убежавши в переднюю*). Ларион, поздравь – не-

³⁷ *Потому что за большевиками мужички тучей...* – Во второй редакции: «Потому что Троцкий глазом мигнул, а за ним богоносцы тучей. А я этим богоносцам что могу противопоставить?»

³⁸ *Пусть мобилизуют!.. Народ не с нами. Народ против нас.* – Те же вставки, о которых мы уже говорили. В первой и второй редакциях этого текста нет.

³⁹ *Теперь пошли дела не наши!* – Во второй редакции: «Теперь пошли дела богоносные».

⁴⁰ *Была у нас Россия – великая держава!..* – Слова из белогвардейской песни. Во второй редакции эту песню напевает Николка.

⁴¹ *Когда вас расхлопают на Дону...* – Согласно записям П. С. Попова, которые он делал в июне-сентябре 1925 г. со слов Булгакова, эти слова являются вставкой цензуры в третью редакцию пьесы (ОР РГБ, ф. 218, № 1269, ед. хр. 3, л. 1, 4).

удобно! Потом опять сюда придешь.

Л а р и о с и к *(Елене)*. Поздравляю вас и желаю вам счастья. *(Шервинскому.)* Поздравляю вас... поздравляю.

М ы ш л а е в с к и й. Но ты молодец, молодец! Ведь какая женщина! По-английски говорит, на фортепьянах играет, а в то же время самоварчик может поставить. Я сам бы на тебе, Лена, с удовольствием женился.

Е л е н а. Я бы за тебя, Витенька, не вышла.

М ы ш л а е в с к и й. Ну и не надо. Я тебя и так люблю. А сам я по преимуществу человек холостой и военный. Люблю, чтобы дома было уютно, без женщин и детей, как в казарме... Ларион, наливай! Поздравить надо!

Ш е р в и н с к и й. Погодите, господа! Не пейте это вино! Я вам сейчас принесу. Вы знаете, какое это вино! Ого-го-го!.. *(Взглянул на Елену, увял.)* Ну так, среднее винишко. Обыкновенное Абрау-Дюрсо.

М ы ш л а е в с к и й. Лена, твоя работа! Женись, Шервинский... ты совершенно здоров! Ну, поздравляю вас и желаю вам...

Дверь в переднюю открывается, входит Т а л ь б е р г в штатском пальто, с чемоданом.

С т у д з и н с к и й. Господа! Владимир Робертович... Владимир Робертович...
Т а л ь б е р г. Мое почтение.

Мертвая пауза.

М ы ш л а е в с к и й. Это номер!
Т а л ь б е р г. Здравствуй, Лена! Вы как будто удивлены?

Пауза.

Немного странно! Казалось бы, я мог больше удивляться, застав на своей половине столь веселую компанию в столь трудное время. Здравствуй, Лена. Что это значит?

Ш е р в и н с к и й. А вот что..

Е л е н а. Погоди... Господа, выйдите все на минутку, оставьте нас вдвоем с Владимиром Робертовичем.

Ш е р в и н с к и й. Лена, я не хочу!

М ы ш л а е в с к и й. Постой, постой... Все уладим. Соблюдай спокойствие... Нам выкатываться, Леночка?

Е л е н а. Да.

М ы ш л а е в с к и й. Я знаю, ты умница. В случае чего кликни меня. Персонально. Ну что ж, господа, покурим, пойдем к Лариону. Ларион, забирай подушку, и идем.

Все уходят, причем Л а р и о с и к почему-то на цыпочках.

Е л е н а. Прошу вас.

Т а л ь б е р г. Что это все значит? Прошу объяснить.

Пауза.

Что за шутки? Где Алексей?

Е л е н а. Алексея убили.

Т а л ь б е р г. Не может быть!.. Когда?

Е л е н а. Два месяца тому назад, через два дня после вашего отъезда.

Т а л ь б е р г. Ах, Боже мой, это ужасно! Но ведь я же предупреждал. Ты помнишь?

Е л е н а. Да, помню. А Николка – калека.

Т а л ь б е р г. Конечно, все это ужасно... Но ведь я же не виноват во всей этой истории... И согласись, это никак не причина для устройства такой, я бы сказал, глупой демонстрации.

Пауза.

Е л е н а. Скажите, как же вы вернулись? Ведь сегодня большевики уже будут...

Т а л ь б е р г. Я прекрасно в курсе дела. Гетманщина оказалась глупой опереткой. Немцы нас обманули. Но в Берлине мне удалось достать командировку на Дон, к генералу Краснову. Киев надо бросить немедленно... времени нету... Я за тобой⁴².

Е л е н а. Я, видите ли, с вами развожусь и выхожу замуж за Шервинского.

Т а л ь б е р г *(после долгой паузы)*. Хорошо! Очень хорошо! Воспользоваться моим отсутствием для устройства пошлого романа...

Е л е н а. Виктор!..

Входит М ы ш л а е в с к и й.

М ы ш л а е в с к и й. Лена, ты меня уполномочиваешь объясниться?

Е л е н а. Да! *(Уходит.)*

М ы ш л а е в с к и й. Понял. *(Подходит к Тальбергу.)* Ну? Вон!.. *(Ударяет его.)*

Тальберг растерян. Идет в переднюю, уходит.

М ы ш л а е в с к и й. Лена! Персонально!

Входит Е л е н а.

Уехал. Дает развод. Очень мило поговорили.

Е л е н а. Спасибо, Виктор! *(Целует его и убегает.)*

М ы ш л а е в с к и й. Ларион!

Л а р и о с и к *(входит)*. Уже уехал?

М ы ш л а е в с к и й. Уехал!

Л а р и о с и к. Ты гений, Витенька!

М ы ш л а е в с к и й. Я гений – Игорь Северянин⁴³. Туши свет, зажигай елку и сыграй какой-нибудь марш.

Л а р и о с и к тушит свет в комнате, освещает елку электрическими лампочками, выбегает в соседнюю комнату. Марш.

Господа, прошу!

Входят Ш е р в и н с к и й, С т у д з и н с к и й, Н и к о л к а и Е л е н а.

С т у д з и н с к и й. Очень красиво! И как стало сразу уютно!

М ы ш л а е в с к и й. Ларионова работа. Ну, теперь позвольте вас поздравить по-настоящему. Ларион, довольно!

Входит Л а р и о с и к с гитарой, передает ее Николке.

Поздравляю тебя, Лена ясная, раз и навсегда. Забудь обо всем. И вообще – ваше здоровье! *(Пьет.)*

Н и к о л к а *(трогает струны гитары, поет)*.

⁴² ...в Берлине мне удалось достать командировку на Дон, к генералу Краснову... Я за тобой. – Во второй редакции Тальберг принимает иное решение: «Я решил вернуться и работать в контакте с Советской властью. Нам нужно переменить вехи...»

⁴³ Я гений – Игорь Северянин. – Первая строка из стихотворения И. Северянина «Эпилог».

*Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль на радость соседей-врагов
Могильной засыплюсь землею?
Так громче, музыка, играй победу,
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!*

Мышляевский (поет).

Так за Совет Народных Комиссаров⁴⁴...

Все, кроме Студзинского, подхватывают.

Мы грянем громкое «Ура! Ура! Ура!».

Студзинский. Ну, это черт знает что!.. Как вам не стыдно!
Николка (запевает).

*Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник..*

Лариосик. Замечательно!.. Огни... елочка...

Мышляевский. Ларион! Скажи нам речь!

Николка. Правильно, речь!..

Лариосик. Я, господа, право, не умею! И, кроме того, я очень застенчив.

Мышляевский. Ларион говорит речь!

Лариосик. Что ж, если обществу угодно, я скажу. Только прошу извинить: ведь я не готовился. Господа! Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы пережили очень, очень много... и я в том числе. Я пережил жизненную драму... И мой утлый корабль долго трепало по волнам гражданской войны...

Мышляевский. Как хорошо про корабль...

Лариосик. Да, корабль... Пока его не прибило в эту гавань с кремовыми шторами, к людям, которые мне так понравились... Впрочем, и у них я застал драму... Ну, не стоит говорить о печалях. Время повернулось. Вот сгинул Петлюра... Все живы... да... мы все снова вместе... И даже больше того: вот Елена Васильевна, она тоже пережила очень и очень много и заслуживает счастья, потому что она замечательная женщина. И мне хочется сказать ей словами писателя: «Мы отдохнем, мы отдохнем...»

Далекие пушечные удары.

Мышляевский. Так-с!.. Отдохнули!.. Пять... шесть... Девять!..

Елена. Неужто бой опять?

Шервинский. Нет. Это салют!

Мышляевский. Совершенно верно: шестидюймовая батарея салютует.

За сценой издалека, все приближаясь, оркестр играет «Интернационал».

Господа, слышите? Это красные идут!

Все идут к окну.

⁴⁴ Так за Совет Народных Комиссаров... – Этот текст появился в сценической версии МХАТа.

Н и к о л к а. Господа, сегодняшний вечер – великий пролог к новой исторической пьесе.
С т у д з и н с к и й. Кому – пролог, а кому – эпилог⁴⁵.

Комментарий В. И. Лосева
ДНИ ТУРБИНЫХ
Пьеса в четырех действиях

Впервые опубликована на русском языке в сборнике: *Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни* (А. С. Пушкин). М.: Искусство, 1955.

Печатается по указанному изданию.

Рукописное наследие Булгакова 1920-х гг. оказалось крайне скудным: большая часть его сочинений этого времени сохранилась в печатном или машинописном (пьесы) виде. Видимо, сам писатель, находясь в трудных условиях, не придавал большого значения своим черновым автографам, а Е. С. Булгаковой, благоговейно относившейся к рукописям писателя и стремившейся сохранить каждую его строчку, рядом с ним не было. Поэтому зачастую возникают трудности при восстановлении истории написания сочинений 1920-х гг. Пьеса «Дни Турбиных» («Белая гвардия») не является в этом смысле исключением: черновые автографы не сохранились. Но сохранились три ее машинописные редакции. Именно о трех редакциях пьесы говорил и сам автор в беседе с П. С. Поповым, который зафиксировал содержание этой и других бесед документально. Так вот, Булгаков отмечал, что «у пьесы три редакции. Вторая редакция наиболее близка первой; третья наиболее отличается» (ОР РГБ, ф. 218, №1269, ед. хр. 6, л. 1, 3). Запомним эти авторские указания и перейдем к краткой истории написания пьесы.

То, как возник замысел пьесы, Булгаков превосходно изобразил в «Записках покойника». Мы приведем лишь некоторые строки из этого текста.

«Вьюга разбудила меня однажды. Вьюжный был март и бушевал, хотя и шел уже к концу. И опять... я проснулся в слезах!.. И опять те же люди, и опять дальний город, и бок рояля, и выстрелы, и еще какой-то поверженный на снегу.

Родились эти люди в снах, вышли из снов и прочнейшим образом обосновались в моей келье. Ясно было, что с ними так не разойтись. Но что же делать с ними?

Первое время я просто беседовал с ними, и все-таки книжку романа мне пришлось извлечь из ящика. Тут мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, щурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе. Ах, какая это была увлекательная игра... Всю жизнь можно было бы играть в эту игру, глядеть в страницу... А как бы фиксировать эти фигурки?.. И ночью однажды я решил эту волшебную камеру описать... Стало быть, я и пишу: картинка первая... Ночи три я провозился, играя с первой картинкой, и к концу этой ночи я понял, что сочиняю пьесу. В апреле месяце, когда исчез снег со двора, первая картинка была разработана... В конце апреля и пришло письмо Ильчина...»

Быть может, все так в действительности и было, но по сохранившимся документам видно, что первый набросок пьесы Булгаков сделал 19 января 1925 г. Это явствует из его собственноручной записи в альбоме по истории «Дней Турбиных» (ИРЛИ, ф. 362, № 75, л. 1). А письмо от Б. И. Вершилова (Студия Художественного театра) от 3 апреля 1925 г. Булгаков получил, видимо, не в конце апреля, а раньше.

Так случилось, что Булгакову было сделано сразу два предложения на инсценировку рома-

⁴⁵ *Кому – пролог, а кому – эпилог.* – В первой и второй редакциях концовка иная:

«Л а р и о с и к. Господа, слышите, идут! Вы знаете – этот вечер – великий пролог к новой исторической пьесе...
М ы ш л а е в с к и й. Но нет, для кого пролог, а для меня – эпилог. Товарищи зрители, белой гвардии конец. Беспартийный штабс-капитан Мышлаевский сходит со сцены. У меня пики.
Сцена внезапно гаснет. Остается лишь освещенный Николка у рамп.
Н и к о л к а. Бескозырки тонные,
Сапоги фасонные...
Гаснет и исчезает».

на «Белая гвардия»: от Художественного театра и Театра Вахтангова (см.: Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 141-142). К огорчению вахтанговцев, Булгаков выбрал МХАТ, но утешил первых тем, что стал для них писать «Зойкину квартиру».

Над первой редакцией пьесы Булгаков работал в июне-августе 1925 г., но с перерывами (с 12 июня по 7 июля Булгаковы гостили у Волошиных в Коктебеле). Об этом имеются красочные авторские зарисовки в тех же «Записках покойника». Например, такие: «Я не помню, чем кончился май. Стерся в памяти и июнь, но помню июль. Настала необыкновенная жара. Я сидел голый, завернувшись в простыню, и сочинял пьесу. Чем дальше, тем труднее она становилась... Герои разрослись... и уходить они никуда не собирались, и события развивались, а конца им не виделось... Потом жара упала... Пошел дождь, настал август. Тут я получил письмо от Миши Панина. Он спрашивал о пьесе. Я набрался храбрости и ночью прекратил течение событий. В пьесе было тринадцать картин».

Не имея необходимого драматургического опыта и стремясь как можно больше выбрать из романа наиболее ценного материала, Булгаков создал пьесу очень большого объема, по содержанию мало отличавшуюся от романа. Наступил самый трудный момент – пьесу нужно было основательно сократить. Обратимся вновь к авторскому тексту: «...я понял, что пьесу мою в один вечер сыграть нельзя. Ночные мучения, связанные с этим вопросом, привели к тому, что я вычеркнул одну картину. Это... положения не спасло... Надо было еще что-то выбрасывать из пьесы, а что – неизвестно. Все мне казалось важным... Тогда я изгнал одно действующее лицо вон, отчего одна картина как-то скособочилась, потом совсем вылетела, и стало одиннадцать картин. Дальше... ничего сократить не мог... Решив, что дальше ничего не выйдет, решил дело предоставить его естественному течению...»

15 августа 1925 г. пьеса «Белая гвардия» (первая редакция) была представлена театру, а в сентябре состоялась первая читка. Однако уже в октябре ситуация с пьесой осложнилась в связи с отрицательным отзывом, поступившим от А. В. Луначарского. 12 октября, в письме В. В. Лужскому, одному из ведущих актеров и режиссеров театра, он замечает: «Я внимательно перечитал пьесу „Белая гвардия“. Не нахожу в ней ничего недопустимого с точки зрения политической, но не могу не высказать Вам моего личного мнения. Я считаю Булгакова очень талантливым человеком, но эта его пьеса исключительно бездарна, за исключением более или менее живой сцены увоза гетмана. Все остальное либо военная суета, либо необыкновенно заурядные, туповатые, тусклые картины никому не нужной обывательщины. В конце концов, нет ни одного типа, ни одного занятого положения, а конец прямо возмущает не только своей неопределенностью, но и полной неэффективностью... Ни один средний театр не принял бы этой пьесы именно ввиду ее тусклости, происходящей, вероятно, от полной драматической немоги или крайней неопытности автора».

Это письмо требует некоторых пояснений, поскольку оно сыграло большую роль в дальнейшей судьбе пьесы. Чрезвычайно важна первая фраза А. В. Луначарского о том, что он не видит ничего недопустимого в пьесе с точки зрения политической. Собственно, это главное, что и требовалось от него театру, – проходит ли пьеса по параметрам политическим или нет. Отрицательный отзыв наркома по этому вопросу сразу закрывал пьесе путь на сцену. И что важно отметить, А. В. Луначарский и в дальнейшем не выдвигал открыто политических требований в отношении пьесы, а на последней стадии проявил принципиальность и поддержал театр и Станиславского при решении вопроса о пьесе в высших инстанциях.

Не было формальным актом вежливости и его заявление о том, что считает Булгакова талантливым человеком. Очевидно, он был уже знаком со многими рассказами и повестями писателя, среди которых «Роковые яйца», повесть, на которой проверялось отношение к нему со стороны читателя. Что же касается «бездарности» пьесы и прочих резких замечаний А. В. Луначарского, то нужно иметь в виду, что сам нарком написал довольно много пьес, которые ставились некоторыми театрами, но успеха не имели (даже Демьян Бедный публично называл их именно бездарными). Поэтому элемент пристрастия несомненно присутствовал. Но ведь первая редакция пьесы действительно страдала многими недостатками, и прежде всего своей растянутостью, о чем автор прекрасно знал.

Театр отозвался на замечания наркома немедленно. 14 октября состоялось экстренное заседание репертуарно-художественной коллегии МХАТа, принявшей следующее постановление: «Признать, что для постановки на Большой сцене пьеса должна быть коренным образом переде-

лана. На Малой сцене пьеса может идти после сравнительно небольших переделок. Установить, что в случае постановки пьесы на Малой сцене она должна идти обязательно в текущем сезоне; постановка же на Большой сцене может быть отложена и до будущего сезона. Переговорить об изложенных постановлениях с Булгаковым».

Булгаков отреагировал на такое «революционное» решение театра остро, эмоционально и конкретно. На следующий день, 15 октября, он написал письмо В. В. Лужскому, в котором содержались ультимативные требования к театру. Впрочем, письмо это настолько «булгаковское», что его целесообразно, на наш взгляд, воспроизвести:

«Глубокоуважаемый Василий Васильевич.

Вчерашнее совещание, на котором я имел честь быть, показало мне, что дело с моей пьесой обстоит сложно. Возник вопрос о постановке на Малой сцене, о будущем сезоне и, наконец, о коренной ломке пьесы, граничащей, в сущности, с созданием новой пьесы.

Охотно соглашаясь на некоторые исправления в процессе работы над пьесой совместно с режиссурой, я в то же время не чувствую себя в силах писать пьесу наново.

Глубокая и резкая критика пьесы на вчерашнем совещании заставила меня значительно разочароваться в моей пьесе (я приветствую критику), но не убедила меня в том, что пьеса должна идти на Малой сцене.

И, наконец, вопрос о сезоне может иметь для меня только одно решение: сезон этот, а не будущий.

Поэтому я прошу Вас, глубокоуважаемый Василий Васильевич, в срочном порядке поставить на обсуждение в дирекции и дать мне категорический ответ на вопрос:

Согласен ли 1-й Художественный театр в договор по поводу пьесы включить следующие безоговорочные пункты:

1. Постановка *только* на *Большой сцене*.
2. В *этом сезоне* (март 1926).
3. Изменения, но не коренная ломка стержня пьесы.

В случае если эти условия неприемлемы для Театра, я позволю себе попросить разрешение считать отрицательный ответ за знак, что пьеса „Белая гвардия” – свободна» (Музей МХАТ, №17452).

Реакция театра была оперативной, ибо пьеса понравилась и актерам, и режиссерам. 16 октября репертуарно-художественная коллегия МХАТа приняла следующее решение: «Признать возможным согласиться на требование автора относительно характера переработки пьесы и на то, чтобы она шла на Большой сцене» (см.: *Марков П. А.* В Художественном театре. Книга завлита. М., 1976. Раздел «Материалы и документы»). Такое решение устроило и автора, и театр, ибо оно было разумно компромиссным. В своих воспоминаниях П. А. Марков удачно сформулировал те проблемы, которые возникли с первой редакцией пьесы «Белая гвардия»: «М. А. Булгаков, который впоследствии строил пьесы виртуозно, первоначально в инсценировке „Белой гвардии” слепо шел за романом, и уже в работе с театром постепенно возникала стройная и ясная театральная композиция „Дней Турбиных”» (*Марков Л. А.* С. 26). 21 октября состоялось первоначальное распределение ролей...

Булгаков прекрасно понимал, что пьесу необходимо прежде всего изменить структурно, «ужать». Без потерь, конечно, обойтись было нельзя. Кроме того, требовалось изъять из текста прямые выпады против здравствующих руководителей государства (слишком часто в пьесе упоминалось имя Троцкого). Более двух месяцев потребовалось ему для создания новой редакции пьесы – второй. Позже, диктуя П. С. Попову отрывочные биографические заметки, Булгаков кое-что ценное сказал и о работе над пьесой «Белая гвардия», в частности, такое: «Слил в пьесе фигуру Най-Турса и Алексея для большей отчетливости. Най-Турс – образ отдаленный, отвлеченный. Идеал русского офицерства. Каким бы должен был быть в моем представлении русский офицер... Скоропадского видел однажды. На создание образа в пьесе это не отразилось. В Лариосике слились образы трех лиц. Элемент „чеховщины” находился в одном из прототипов... Сны играют для меня исключительную роль... Сцена в гимназии (в романе) написана мною в одну ночь... В здании гимназии в 1918 г. бывал неоднократно. 14 декабря был на улицах Киева. Пережил близкое тому, что имеется в романе...» (ОР РГБ, ф. 218, № 1269, ед. хр. 6, л. 3-5).

О том, с каким напряжением работал Булгаков над второй редакцией пьесы, можно судить по его письму писательнице С. Федорченко от 24 ноября 1925 г.: «...Я погребен под пьесой со

звучным названием. От меня осталась одна тень, каковую можно будет показывать в виде бесплатного приложения к означенной пьесе» (Москва. 1987. № 8. С. 53).

В январе 1926 г. Булгаков представил вторую редакцию пьесы в Художественный театр. Текст был переработан и значительно сокращен, из пятиактной пьесы превратилась в четырехактную. Но, как отмечал сам автор, вторая редакция была очень близка к первой по содержанию. По мнению многих специалистов, именно эта редакция должна быть признана канонической, поскольку она более всего отвечала авторским замыслам. Но этот вопрос остается довольно спорным по многим причинам, о которых целесообразнее говорить в специальных исследованиях.

Началась настоящая театральная работа с пьесой, о которой многие ее участники вспоминали с восхищением. М. Яншин (Лариосик): «Все участники спектакля настолько хорошо собственной кожей и нервами чувствовали события и жизнь, которую описал Булгаков, настолько близко и живо было в памяти тревожное и бурное время гражданской войны, что атмосфера спектакля, ритм его, самочувствие каждого героя пьесы рождались как бы сами собой, рождались от самой жизни» (Мастерство режиссера. М., 1956. С. 170). П. Марков: «Когда возвращаешься воспоминаниями к „Дням Турбиных" и к первому появлению Булгакова в Художественном театре, то эти воспоминания не только для меня, но и для всех моих товарищей остаются одними из лучших: это была весна молодого советского Художественного театра. Ведь, по чести говоря, „Дни Турбиных" стали своего рода новой „Чайкой" Художественного театра... „Дни Турбиных" родились из романа „Белая гвардия". Этот огромный роман был наполнен такой же взрывчатой силой, какой был полон сам Булгаков... Он не просто присутствовал на репетициях – он ставил пьесу» (Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 239-240).

Режиссером спектакля был определен И. Судаков. Алексея Турбина репетировал Николай Хмелев, игрой которого впоследствии так был увлечен Сталин, роль Мышлаевского готовил Б. Добронравов. Была привлечена к репетициям молодежь (М. Яншин, Е. Соколова, М. Прудкин, И. Кудрявцев и др.), впоследствии ставшая блестящей сменой великому поколению актеров прошлого.

Но все это было впереди, весной же 1926 г. после напряженных репетиций спектакль (первых два акта) был показан К. С. Станиславскому. Вот сухие, но точные строки из «Дневника репетиций»:

«К. С., просмотрев два акта пьесы, сказал, что пьеса стоит на верном пути: очень понравилась „Гимназия" и „Петлюровская сцена". Хвалил некоторых исполнителей и сделанную работу считает важной, удачной и нужной... К. С. воодушевил всех на продолжение работы в быстром, бодром темпе по намеченному пути» (Москва. 1987. № 8. С. 55). А вот как все это представилось тогдашнему завлиту МХАТа Павлу Маркову:

«Станиславский был одним из самых непосредственных зрителей. На показе „Турбиных" он открыто смеялся, плакал, внимательно следил за действием, грыз по обыкновению руку, сбрасывал пенсне, вытирая платком слезы, – одним словом, он полностью жил спектаклем» (Марков П. А. С. 229).

Это было короткое счастливое время внутренней творческой жизни Художественного театра. К. С. Станиславский с увлечением принимал участие в репетициях пьесы, и по его советам ставились некоторые сцены спектакля (например, сцена в Турбинской квартире, когда раненый Николка сообщает о гибели Алексея). Великий режиссер надолго запомнил время совместной работы с Булгаковым и потом часто характеризовал его как прекрасного режиссера и потенциального актера. Так, 4 сентября 1930 г. он писал самому Булгакову: «Дорогой и милый Михаил Афанасьевич! Вы не представляете себе, до какой степени я рад Вашему вступлению в наш театр! (Это после погрома, устроенного писателю в 1928-1930 гг.! – В. Л.). Мне пришлось поработать с Вами лишь на нескольких репетициях „Турбиных", и я тогда почувствовал в Вас – режиссера (а может быть, и артиста?!)). В те же дни Станиславский, указывая на Булгакова тогдашнему директору МХАТа М. С. Гейтцу, подсказывал: «Вот из него может выйти режиссер. Он не только литератор, но он и актер. Сужу по тому, как он показывал актерам на репетициях „Турбиных". Собственно – он поставил их, по крайней мере дал те блестящие, которые сверкали и создали успех спектаклю». И еще через несколько лет Станиславский в письме режиссеру В. Г. Сахновскому утверждал, что вся «внутренняя линия» в спектакле «Дни Турбиных» принадлежит Булгакову (см.: Булгаков М. Дневник. Письма. 1914-1940. М., 1997. С. 238; Яновская Л. Творче-

ский путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 167-168).

И нельзя не отметить еще один чрезвычайно важный факт в творческой биографии писателя, о котором почему-то нигде ничего не написано. В марте 1926 г. Художественный театр заключил договор с Булгаковым на инсценировку «Собачьего сердца»! Таким образом, МХАТ решил поставить сразу две пьесы Булгакова самого острейшего для того времени содержания. Можно предположить, что именно этот факт (договор на инсценировку запрещенной неопубликованной повести!) привлек внимание органов политического сыска и идеологического контроля, и с этого момента они стали вторгаться в процесс создания пьесы «Белая гвардия» (договор на инсценировку «Собачьего сердца» был аннулирован по взаимному согласию автора и театра; что причиной этому была политическая подоплека – нет никаких сомнений).

7 мая 1926 г. сотрудники ОГПУ проводят обыск на квартире Булгаковых и изымают рукописи «Собачьего сердца» (!) и дневника писателя, имевшего название «Под пятой». Обыску предшествовала большая агентурная работа, в результате которой Булгаков был признан чрезвычайно опасной фигурой с политической точки зрения.

В связи с этим и была поставлена задача недопустить постановку булгаковских пьес в театрах Москвы и прежде всего, конечно, его «Белой гвардии» в Художественном театре (см.: том «Дневники. Письма» наст. Собр. сочинений).

Давление оказывалось и на Булгакова (обыск, слежки, доносы), и на театр (требования органов политического сыска через Репертком о прекращении репетиций «Белой гвардии»). Вновь возобновились заседания репертуарно-художественной коллегии МХАТа, на которых стали дебатироваться вопросы о названии пьесы, о необходимости новых сокращений и т. д. Чтобы прекратить эту инициированную извне возню, Булгаков 4 июня 1926 г. написал в Совет и Дирекцию Художественного театра исключительно резкое заявление следующего содержания:

«Сим имею честь известить о том, что я не согласен на удаление Петлюровской сцены из пьесы моей „Белая гвардия“.

Мотивировка: Петлюровская сцена органически связана с пьесой.

Также не согласен я на то, чтобы при перемене заглавия пьесы была названа „Перед концом“.

Также не согласен я на превращение 4-актной пьесы в 3-актную.

Согласен совместно с Советом Театра обсудить иное заглавие для пьесы „Белая гвардия“.

В случае, если Театр с изложенным в этом письме не согласится, прошу пьесу „Белая гвардия“ снять в срочном порядке» (Музей МХАТ, № 17893).

Очевидно, руководство Художественного театра уже было осведомлено о начавшемся против Булгакова политическом (пока!) терроре (заявление писателя в ОГПУ о возврате ему его рукописей и дневника осталось без ответа, что было плохим предзнаменованием) и столь резкое его письмо восприняло довольно спокойно. В. В. Лужский ответил писателю обстоятельно и в доброжелательном тоне (письмо без даты):

«Милый Михаил Афанасьевич!

Что такое, какая Вас, простите, муха еще укусила?! Почему, как? Что случилось после вчерашнего разговора при К. С. и мне... Ведь вчера же сказали и мы решили, что „петлюровскую“ сцену пока никто не выкидывает. *На вымарку двух сцен Василисы Вы сами дали согласие, на перделку и соединение двух гимназических в одну тоже, на плац-парад петлюровский (!) с Болботуном Вы больших возражений не предъявляли!* (выделено нами. – В. Л.) И вдруг на-поди! Заглавие же Ваше остается „Семья Турбиных“ (по-моему, лучше Турбины...). Откуда пьеса станет трехактной? Две сцены у Турбиных – акт; у Скоропадского – два; гимназия, Петлюра, Турбины – три, и финал у Турбиных опять – четыре!..

Что Вы, милый и наш МХАТый Михаил Афанасьевич? Кто Вас так взвинтил?...» (ИРЛИ, ф. 369, № 48).

Но вскоре «взвинтиться» пришлось всему театру, и прежде всего всем тем, кто участвовал в постановке пьесы. 24 июня состоялась первая закрытая генеральная репетиция. Присутствовавшие на ней заведующий театральной секцией Реперткома В. Блюм и редактор этой секции А. Орлинский выразили свое неудовлетворение пьесой и заявили, что ее можно будет поставить этак «лет через пять». На следующий день на состоявшейся в Реперткоме с представителями МХАТа «бесед» чиновники от искусства сформулировали свое отношение к пьесе как к произведению, которое «представляет собой сплошную апологию белогвардейцев, начиная со сцены в

гимназии и до сцены смерти Алексея включительно», и она «совершенно неприемлема, и в трактовке, поданной театром, идти не может». От театра потребовали сделать сцену в гимназии так, чтобы она дискредитировала белое движение и чтобы в пьесе было больше эпизодов, унижающих белогвардейцев (ввести прислугу, швейцаров и офицеров, действующих в составе армии Петлюры и т. п.). Режиссер И. Судаков пообещал Реперткому более определенно показать наметившийся среди белогвардейцев «поворот к большевизму». В конечном итоге театру было предложено доработать пьесу (см.: *Булгаков М. А. Пьесы 20-х годов. Театральное наследие.* Л., 1989. С. 522).

Характерно, что Булгаков ответил на это явно организованное давление на театр со стороны Реперткома (фактически со стороны ОГПУ, где «дело Булгакова» росло как на дрожжах) повторным заявлением на имя председателя Совнаркома (24 июня) с требованием возвратить ему дневник и рукописи, изъятые сотрудниками ОГПУ (ответа не последовало).

Пьеса и ее автор постепенно стали привлекать все большее внимание как ее противников, так и сторонников. 26 июня друг Булгакова Н. Н. Лямин написал драматургу эмоциональное письмо, в котором просил не уступать больше ничего, поскольку «театр уже достаточно коверкал пьесу», и умолял не трогать сцену в гимназии. «Ни за какие блага мира не соглашайся пожертвовать ею. Она производит потрясающее впечатление, в ней весь смысл. Образ Алеши нельзя видоизменять ни в чем, прикасаться к нему кощунственно...» (Творчество Михаила Булгакова. СПб., 1995. Кн. 3. С. 208).

И тем не менее театр прекрасно понимал (да и автор, с большим раздражением), что во имя спасения пьесы переделки ее необходимы. В письме режиссеру А. Д. Попову (постановщику «Зойкиной квартиры» в Вахтанговском театре) Булгаков вскользь коснулся и мхатовских проблем: «Переутомление действительно есть. В мае всякие сюрпризы, не связанные с театром (обыск был теснейшим образом „связан с театром“. – *В. Л.*), в мае же гонка „Гвардии“ в МХАТе 1-м (просмотр властями!), в июне непрерывная работишка (возможно, Булгаков несколько смещает время из-за забывчивости. – *В. Л.*)... В августе же всё сразу...»

24 августа с приездом Станиславского возобновились репетиции пьесы. Был принят новый план пьесы, вставки и переделки. 26 августа в «Дневнике репетиций» было записано: «М. А. Булгаковым написан новый текст гимназии по плану, утвержденному Константином Сергеевичем». Пьеса получила название «Дни Турбиных». Была изъята сцена с Василисой, а две сцены в гимназии соединены в одну. Были внесены и другие существенные поправки.

Но противники пьесы усиливали давление на театр и на автора пьесы. Обстановка накалялась и стала исключительно нервной. После очередной репетиции для Реперткома (17 сентября) его руководство заявило, что «в таком виде пьесу выпускать нельзя. Вопрос о разрешении остается открытым». Даже Станиславский после этого не выдержал и, встретившись с актерами будущего спектакля, заявил, что если пьесу запретят, то он уйдет из театра.

19 сентября была отменена генеральная репетиция спектакля, в текст пьесы стали вноситься новые реплики, а затем, в угоду Реперткому и А. В. Луначарскому, была снята сцена истязания еврея петлюровцами... Не успел Булгаков оправиться от этого удара (писатель не мог смириться с этим решением в течение многих лет), а уже 22 сентября его вызвали на допрос в ОГПУ (протокол допроса см.: настоящее Собрание. Т. 8). Конечно, все эти действия были скоординированы: ОГПУ и Репертком настаивали на снятии пьесы. Булгакова на допросе запугивали: ведь на 23 сентября была запланирована генеральная репетиция.

Генеральная репетиция прошла успешно. В «Дневнике репетиций» было записано: «Полная генеральная с публикой... Смотрят представители Союза ССР, пресса, представители Главреперткома, Константин Сергеевич, Высший Совет и Режиссерское управление.

На сегодняшнем спектакле решается, идет пьеса или нет.

Спектакль идет с последними вымарками и без сцены „еврея“.

После этой генеральной репетиции Луначарский заявил, что в таком виде спектакль может быть разрешен для показа зрителям».

Но мытарства с пьесой на этом не только не закончились, а вступили в решающую фазу. 24 сентября пьеса была разрешена на коллегии Наркомпроса. А через день ГПУ пьесу запретило (вот она, настоящая Кабала!). Тогда А. В. Луначарский обратился к А. И. Рыкову со следующей почтотелеграммой:

«Дорогой Алексей Иванович.

На заседании коллегии Наркомпроса с участием Реперткома, в том числе и ГПУ, решено было разрешить пьесу Булгакова только одному Художественному театру и только на этот сезон. По настоянию Главреперткома коллегия разрешила произвести ему некоторые купюры. В субботу вечером ГПУ известило Наркомпрос, что оно запрещает пьесу. Необходимо рассмотреть этот вопрос в высшей инстанции либо подтвердить решение коллегии Наркомпроса, ставшее уже известным. Отмена решения коллегии Наркомпроса ГПУ является крайне нежелательной и даже скандальной».

30 сентября вопрос этот решался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Было принято следующее решение: «Не отменять постановление коллегии Наркомпроса о пьесе Булгакова». (Литературная газета. 1999. 14-20 июля).

Это было первое решение Политбюро по пьесе Булгакова, но далеко не последнее.

Известный в то время немецкий корреспондент Пауль Шеффер писал в рижской газете «Сегодня» (18 ноября 1926 г.): «В то время как члены партийного большинства (имеются в виду Сталин, Ворошилов, Рыков. — *В. Л.*) допускали возможность постановки, оппозиция выступила решительным ее противником».

Ниже мы публикуем именно этот вариант пьесы (третья редакция), прошедший столько испытаний, но игравшийся блистательной труппой Художественного театра с 1920-го по 1941 г.